

ОСКОВСКИЙ ТЕАТР ДРАМЫ И КОМЕДИИ

НА ТАГАНКЕ

Чкалова, д. 76.

972-63-00

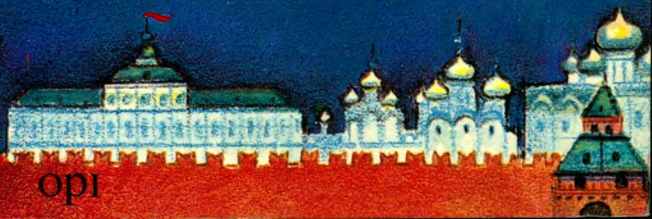
**М. Булгаков
и
М. МАРТИНОВИЧ**

МАСКЕР

ЧЕРТЁР

ЮРИЙ ЛЮБИМОВ

СЦЕНИЧЕСКИЙ
ВАРИАНТ

орд

ПРОСНОУ

**Сценическая адаптация
«Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова**

Yuriy Lubimov

**A STAGE ADAPTATION
OF M. A. BULGAKOV'S
«THE MASTER
AND MARGARITA»**

With an introduction
by Andrzej Drawicz
and a foreword
by Yuriy Lubimov

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1985**

Юрий Любимов

**СЦЕНИЧЕСКАЯ
АДАПТАЦИЯ
«МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ»
М. А. БУЛГАКОВА**

Вступительная статья Анджея Дравича
Предисловие Юрия Любимова

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1985**

Yuriy Lubimov: STSENICHESKAIA ADAPTATSIA
«MASTERA I MARGARITY» M. A. BULGAKOVA
With an introduction by Andrzej Drawicz
and a foreword by Yuriy Lubimov

First Russian edition published in 1985
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

Copyright © Yuriy Lubimov, 1985
Copyright © Russian edition Overseas Publications Interchange Ltd, 1985

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN 0-903868-63-6

Cover design by Danuta Niekrasow-Heller

Printed in West Germany

ИЗБРАНИЕ СВОБОДЫ

В репертуаре Московского театра на Таганке в течение нескольких лет находился спектакль, ставший событием в русской театральной жизни. По словам счастливых, которые его видели, это было нечто необыкновенное. Речь идет об инсценировке романа Михаила Булгакова „Мастер и Маргарита“, сделанной Юрием Любимовым.

Красочное зрелище, исполненное с применением широкой гаммы сценических эффектов, не было, конечно, для этого театра ничем новым. Так же, как и смелые адаптации недраматургических произведений – в прозе и стихах, – на которые главным образом опирался репертуар популярной „Таганки“. Это была с самого начала сцена поисков, экспериментов, богатых средств сценического выражения. Когда в 1963 году группа выпускников Театральной студии имени Щукина при Вахтанговском театре показала свой, поставленный Любимовым, дипломный спектакль „Добрый человек из Сезуана“, он сразу же восхитил театральную Москву своей новизной и современностью в лучшем смысле этого сло-

ва. Год спустя группа получила очень плохой театр, который тут же стал самой известной русской сценой последнего двадцатилетия. Здесь ставились пьесы Мольера, Брехта и Чехова; поэтические спектакли по Пушкину, Есенину, Маяковскому и Вознесенскому; инсценировки произведений Джона Рида, Федора Абрамова, Бориса Можаяева, Бориса Васильева и многих других. Всюду и широко было известно — „Таганка” быстро получила мировой резонанс, — что прежде всего это — театр режиссера (что не помешало ему воспитать целую плеяду замечательных актеров), питающийся богатейшей фантазией своего руководителя Юрия Любимова. Поэтому те, кто приходил на Таганку, независимо от того, как и что им нравилось больше или меньше, одно знали наверняка: они не встретятся там со скукой, рутинной и штампами, и после окончания спектакля у них еще долго будет кружиться в голове фейерверк сценических образов.

Как правило, было именно так. И однако же инсценировка Булгакова даже на этом ярком и богатом фоне оставила впечатление чего-то исключительного. Потому ли, что здесь столкнулись и помножились друг на друга два блестящих воображения — автора и инсценизатора текста? Или же, что история о человеческих страданиях, любви, жертвовании собой и измене, о дьяволе и Христе приобрела в сегодняшней советской России особенно пронизывающий резонанс? Или потому, что сразу же над этим спектаклем сгустились темные тучи официальной немилости и ему постоянно грозил преждевременный уход с афиши? Возможно, что все это вместе взятое, а возможно, было еще что-то, о чем пишущий эти слова не знает, так как, посмотрев многие более ранние спектакли Таганки, „Мастера и Маргариту” он уже увидеть не мог. Важно то, что спектакль сегодня стал уже легендой, а фрагмент этой легенды представляется сейчас читателю.

Этот фрагмент — сделанная Юрием Любимовым инсценировка булгаковского текста. Читатели книги — а кто же ее не читал? — окажутся в знакомом и любимом мире, по необходимости ограниченном в своем богатстве (у любителей оригинала каждая адаптация вызывает чувство удовлетво-

ренности), но однако же схваченном в своих главных чертах. Здесь на первый план выступает, скорее всего, столкновение человеческой верности правде и призванию с насилием, отступничеством и трусостью. Михаил Булгаков пытался сохранить верность миссии русского писателя и был за это наказан. Он давал правдивое свидетельство исторического поражения своей общественной формации, писал злободневную сатиру, был автором фантастических видений и бытовых зарисовок. Однако из-за своей духовной независимости для укротителей литературы он стал врагом номер один. На него ожесточились, чтобы не допустить его до читателя и зрителя. Успешно, поскольку почти все, что он создал, не осуществилось при жизни ни в изданиях, ни на сцене. Ему было позволено существовать физически, но не творчески, и в этом заключалась утонченная психологическая пытка. Из этого опыта — как единственная доступная форма реванша — родился роман „Мастер и Маргарита”. Конфронтация Иешуа и Пилата повторяется на протяжении всей истории человечества; и в ситуации Мастера и его преследователей, а также (чтобы привести примеры из других произведений Булгакова) Мольера и Людовика XIV, Пушкина и Николая I. Такой увидел Булгаков и собственную драму, так ее понял и описал.

Мы, читатели любимовской инсценировки, которые не видели спектакля, можем только гадать, как и насколько были выявлены в нем иные аспекты романа. „Мастер и Маргарита” — произведение с богатой и сложной системой значений. В своем глубочайшем смысле это роман о шансе свободы. Такой шанс дается творцу — в его творении. Такой шанс осуществляется также с помощью милосердия и прощения, т. е. традиционных христианских идеалов, трактуемых как общий этический фундамент мира верующих и неверующих. Даже дьявол при всем своем кажущемся всемогуществу свободен не полностью: современная жизнь в тоталитарной системе, в конце концов, значительно более „дьявольская”, и традиционные силы ада могут ее только немного нарушить, но не изменить. Свобода дается справедливым — если не сразу, то

в историческом порядке вещей, поскольку, как Воланд объясняет Маргарите, „все будет правильно, на этом построен мир”.

Актом свободы был и роман Булгакова. Писатель расправился в нем с тем, что ненавидел и что его губило, и объединил то, что любил. Здесь собраны и частично видоизменены все ранние творческие мотивы. Все вместе они образуют пространство, в котором Булгаков мог существовать. Так и роман не только говорит о свободе, но он как бы собою ее осуществляет, и написав его, автор одновременно стал его главным героем. Более того: опубликованный спустя более четверти века после смерти автора, роман приобщил ко всему этому и собственную свободу. Избежав уничтожения, он прилетел, как его летучие герои, в наше время; его судьба стала его же продолжением.

Так Булгаков осуществил победу над судьбой: писатель спас себе жизнь книгой, которая, по установленным в ней правилам, спаслась сама. Свободное искусство оказалось более реальным, чем поработанная реальность.

Спектакль на Таганке должен был в какой-то мере передать ощущение этой победы. Раз он стал делом двух фантазий — автора и адаптатора, — то в свою очередь воображение читателя должно поспевать за этими двумя и само пофантазировать на тему, как могло выглядеть написанное здесь.

Этот текст — не единственное предложение такого рода. Роман искушал уже многих инсценизаторов. Известно о нескольких театральных версиях и, по крайней мере, о двух фильмах — югославском и польском (фильм Анджея Вайды „Пилат и другие” ограничивается только — хотя с блестящим результатом — библейским сюжетом). Не трудно предсказать, что это еще не конец. Можно также предвидеть продолжение мотива творца и тирана, свободного разума и гнетущего насилия. Так, на наших глазах, судьба поставила в этот ряд также и Юрия Любимова. В молодости талантливый актер театра им. Вахтангова, любимец театральной московской публики, популярный артист кино, он стал режиссером, создателем и руководителем выдающейся сцены. Мно-

го лет он боролся с цензурой и политиками от культуры за честное творческое существование своего театра, пока два года назад за границей не произнес во весь голос слова правды об этой ситуации. Отчитанный как школьник, он избрал независимость, за что был лишен родины, а из театра, который он создал, убрали его фамилию, портрет и все следы. Спектакль по Булгакову, еще раньше подвергнутый резкой критике и названный в партийной печати „сеансом черной магии”, был снят. Изгнанный, сегодня 68-летний Мастер стал странствующим режиссером, работающим во многих известных театрах мира.

А значит и здесь произошло избрание свободы, даже если у нее есть горький привкус изгнаннического хлеба — и еще раз подтвердился смысл „Мастера и Маргариты”.

Так, возможно, когда-нибудь подтвердится и это: „Все будет правильно...”?

Анджей Дравич

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне хотелось к 10-летию Театра „На Таганке” поставить одну из самых любимых мною книг. От моего умершего друга Н. Р. Эрдмана я много слышал о скорбной жизни блестящего мастера М. А. Булгакова. Я хотел весь накопленный десятилетний опыт театра, его лучшие сценические находки отдать человеку со столь грустной судьбой.

Никто не верил, что мне разрешат, даже артисты. Начальство, как всегда, заявило, что нашему народу это не надо, и денег на постановку не дадут.

Я взял куски старых декораций, занавес Гамлета, который мог метаться по сцене в любом направлении, как мы грешные. Крыльцо из „Обмена” Ю. Трифонова, Маятник-часы, на котором каталась компания Воланда, трибуну из бедного запрещенного „Живого”, великолепной повести Б. Можаява, к счастью, еще живого. Повесть высоко оценили А. Солженицын, Н. Эрдман, Ю. Трифонов и миллионы читателей. Кубики из спектакля о В. Маяковском „Послушайте”. Золотую раму от Мольера „Тартюф”, в которой воссе-

дал Пилат. Его любимую собаку Банга, к сожалению, пришлось нанимать. И так мы обошлись без советских денег. Я ездил по бесчисленным ведомствам, в ЦК, министерства, управления, в комиссию по творческому наследству, к председателю К. Симонову; вся комиссия дала хороший отзыв, проявив мужество.

Затратив 3 года, к 13-летию театра, нам удалось сыграть спектакль, несмотря на все угрозы и недовольство начальства. Христос много лет ходил по сцене ныне убитого театра. Произошло чудо.

Выгнав меня, атеисты, разумеется, закрыли и спектакль.

Юрий Любимов

Р. С. Болонья – 85 год.

Благодарю В. Дячина, замечательного человека, так странно и нелепо погибшего (он был сбит черной „Волгой” Начальника), актеров, всех друзей театра, которые помогли выпустить спектакль на свет Божий.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(Каждый актер играет несколько ролей.)

1. МАСТЕР
2. МАРГАРИТА
3. ИЕШУА
4. ВОЛАНД

Его компания:

5. КОРОВЬЕВ
6. АЗАЗЕЛЛО
7. БЕГЕМОТ
8. ГЕЛЛА
9. ПИЛАТ

Его когорта:

10. АФРАНИЙ
11. КРЫСОБОЙ
12. НИЗА
13. 1-й УБИЙЦА
14. 2-й УБИЙЦА
15. КАИФА
16. ИУДА

Разбойники:

17. ДИСМАС
18. ГЕСТАС
19. ВАР-РАВВАН

Команда от литературы:

20. БЕРЛИОЗ
21. БЕЗДОМНЫЙ
22. РЮХИН
23. ЛИЦО В РОГОВЫХ ОЧКАХ
24. ВЕЖЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК
25. ФОКА
26. АМВРОСИЙ
27. ЛИТЕРАТОРЫ: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й

28. **АРЧИБАЛЬД** Арчибальдович

29. **ШВЕЙЦАР**

Команда Варьете:

30. **ЛИХОДЕЕВ**

31. **ВАРЕНУХА**

32. **РИМСКИЙ**

33. **БЕНГАЛЬСКИЙ**

34. **СОКОВ**

Люди 20-х годов:

35. **НАТАША**

36. **НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ**

37. **НИКАНОР ИВАНОВИЧ БОСОЙ**

38. **АЛОИЗИЙ МОГАРЫЧ**

39. **ПОПЛАВСКИЙ**, дядя Берлиоза

40. **АННУШКА**

41. **СЕМПЛЕЯРОВ**

42. **СУПРУГА СЕМПЛЕЯРОВА**

43. **МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА**, актриса, подруга дома

44. **ДОКТОР**

45. **МЕДСЕСТРА**

46. **ВАГОНОВОЖАТАЯ**

47. **ПРОДАВЩИЦА**

Люди с того света:

48. **ГРАФ РОБЕРТ**

49. **ГОСПОДИН ЖАК**

50. **СУПРУГА ГОСПОДИНА ЖАКА**

51. **ГОСПОЖА ТОФАНА**

52. **ФРИДА**

53. **ИОГАНН ШТРАУС**

54. **МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК**

55. **ГОСПОЖА МИНКИНА**

Действие происходит в Москве 20-х годов и в Ершалаиме начала новой эры.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ПИЛАТ: Банга! Банга!

Левий Матвей один.

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ (*торжествующим голосом*). Свет!.. (*Задыхается от торжества.*) Вечный, вечный свет!.. (*Пауза.*) Я, Левий Матвей, его верный и единственный ученик!

ГОЛОС ВОЛАНДА (*презрительно*). Ты раб!

ПИЛАТ (*стонет*). Ты не усвоил ничего из того, чему учил тебя Иешуа. Ты — жесток, а тот жестоким не был!

ГОЛОС ИЕШУА (*ясно*). Опасаюсь, что путаница эта будет продолжаться долгое время. Ты неверно записывал за мной. Сожги ты, прошу, свой пергамент.

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ (*хрипло, озираясь*). Нет! Нет! Нет!

ГОЛОС ВОЛАНДА. Ты хотел бы ободрить весь земной шар, снеся с него все живое, из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом. Ты — глуп!

Левий Матвей медленно поворачивается, но вдруг высоко поднимает руку с пергаментом и начинает маршировать. Шорохи, движение по всей сцене, которая заполняется героями пьесы.

БЕРЛИОЗ *(на трибуне)*. Ну-с, так, сегодняшний вечер мне известен более или менее точно. Само собой разумеется, если мне на Бронной свалится на голову кирпич...

ВОЛАНД. Кирпич ни с того, ни с сего никому на голову не свалится. Ну, а вы умрете другой смертью. Вам отрежут голову.

БЕРЛИОЗ. Враги? Интервенты?

ВОЛАНД. Нет. Русская женщина, комсомолка.

БЕЗДОМНЫЙ *(кричит, вбегая в зрительный зал)*. Перестаньте психовать! Перестаньте психовать! Перестаньте психовать, сволочи!

ИЕШУА. Мы теперь будем всегда вместе, Пилат. Помянут меня, помянут и тебя.

ПИЛАТ *(умоляюще)*. Но ты мне скажи, казни не было? Молю тебя, скажи не было?

ИЕШУА. Ну, конечно, не было. Это тебе померещилось.

ПИЛАТ. Ты можешь поклясться в этом?

ИЕШУА. Клянусь.

По сцене и залу театра проходит процессия поющих людей, которой дирижирует Коровьев. Процессию сопровождают люди в белых халатах. Поют: „Славное море...”

ВОЛАНД *(выходит на авансцену, качаясь на маятнике; взглядываясь в зал)*. Люди как люди... Любят деньги, но ведь это всегда было... человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны. Легкомысленны... Квартирный вопрос только испортил их...

ИУДА. Низа?! Низа!

Бежит за возлюбленной.

ПЕРВЫЙ УБИЙЦА. Сколько получил? Говори, если хочешь сохранить жизнь!

ИУДА *(отчаянно)*. Тридцать тетрадрахм. Тридцать тетрадрахм! Берите, но отдайте жизнь. *(Первый убийца выхватывает у него кошель. Бьет ножом в грудь. Второй наносит удар в спину. Иуда падает.)* Ни... за... *(Умирает.)*

ЛИХОДЕЕВ *(ползет по занавесу; становясь на колени, обращаясь к залу)*. Умоляю, скажите, какой это город? Я не пьян, я болен. Со мной что-то случилось.

КУРИЛЬЩИК. Ну, Ялта.

Лиходеев теряет сознание.

МАРГАРИТА. Но я верую! Я верую! Что-то произойдет! Не может не произойти... За что мне послана пожизненная мука?

МАСТЕР. Бедная моя, бедная! О, как я угадал! О, как я все угадал!

Щупальцы прожекторов мечутся по сцене: свет, тени, смятение. Приглушенные крики, стоны, ругательства, истеричный хохот, стук, словно кого-то куда-то волокут. Световой занавес отсекает сцену от зрителей.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА 1

Группа людей в белых халатах ввозит на каталке связанного по рукам и ногам полотенцами Ивана Николаевича Бездомного в нижнем белье. Санитары развязывают поэта. В стороне стоит взволнованный Рюхин. Входит доктор.

РЮХИН (робко). Здравствуйте, доктор. (Доктор кланяется Рюхину, но смотрит на Бездомного.) Вот, доктор (шепотом, оглядываясь на Бездомного), известный поэт Иван Бездомный... Мы опасаемся, не белая ли горячка...

ДОКТОР (сквозь зубы). Поэт? Сильно пил?

РЮХИН. Выпивал, но не так чтобы уж...

ДОКТОР. Тараканов, крыс, чертиков или шмыгающих собак не ловил?

РЮХИН (вздрагнув). Нет... он был совершенно здоров.

ДОКТОР. А почему в кальсонах? С постели взяли?

РЮХИН. Он в ресторан пришел в таком виде...

ДОКТОР (*удовлетворенно*). Ну-те, ну-те... (*Поворачивается к Бездомному.*) Здравствуйте.

БЕЗДОМНЫЙ (*злобно и громко*). Здорово, вредитель!

ДОКТОР. Почему вы сердитесь?

БЕЗДОМНЫЙ. Я подам жалобу на вас всех. (*Рюхину.*) На тебя в особенности, гнида!

ДОКТОР. На что хотите пожаловаться?

БЕЗДОМНЫЙ (*в гневе*). На то, что меня, здорового человека, схватили и силой приволокли в сумасшедший дом!

ДОКТОР (*спокойно*). Это не сумасшедший дом, это клиника, где вас никто не станет задерживать, если в этом нет надобности.

БЕЗДОМНЫЙ (*бурчит*). Слава те Господи! Нашелся, наконец, один нормальный среди идиотов, из которых первый балбес и бездарность Сашка!

ДОКТОР. Кто этот Сашка-бездарность?

БЕЗДОМНЫЙ (*тычет пальцем в сторону Рюхина*). А вот он, Рюхин.

РЮХИН (*в зал*). Это он мне вместо спасибо, за то, что я принял в нем участие! Вот уже действительно дрянь!

БЕЗДОМНЫЙ. Типичный кулачок по своей психологии, и притом кулачок, тщательно маскирующийся под пролетария. Посмотрите на его постную физиономию и сличите с теми звучными стихами, которые он сочинил к 1 Мая: Май цветет, Весна идет, Народ ликует и поет... хе-хе-хе... Вы загляните к нему внутрь, вы ахнете. (*Смеется зловеще.*)

ДОКТОР. А почему вас, собственно, доставили к нам?

БЕЗДОМНЫЙ. Да черт их возьми, олухов! Схватили, связали какими-то тряпками и поволокли в грузовике!

ДОКТОР. Позвольте спросить, вы почему в ресторан пришли в одном белье?

БЕЗДОМНЫЙ. Нету ничего удивительного. Пошел я креститься... купаться на Москва-реку, ну и попятели мою одежду, а эту дрянь оставили! Не голым же мне по Москве идти! Надел что было, потому что спешил к Грибоедову.

ДОКТОР. Так и пишите: спешил к Грибоедову.

Доктор вопросительно смотрит на Рюхина.

РЮХИН (*хмуро*). Ресторан так называется.

ДОКТОР. Ага. А почему так спешили? Какое-нибудь деловое свидание?

БЕЗДОМНЫЙ. Консультанта я ловлю. (*Тревожно оглядывается.*)

ДОКТОР. Какого консультанта?

БЕЗДОМНЫЙ (*многозначительно*). Вы Берлиоза знаете?

ДОКТОР. Это... композитор?

БЕЗДОМНЫЙ (*расстроено*). Какой там композитор? Ах, да... Композитор — это однофамилец Миши Берлиоза.

РЮХИН (*с явной неохотой*). Секретаря МАССОЛИТа Берлиоза сегодня вечером задавило трамваем на Патриарших.

БЕЗДОМНЫЙ (*сердито*). Не ври ты, чего не знаешь! Он его нарочно под трамвай пристроил!

ДОКТОР. Толкнул?

БЕЗДОМНЫЙ. Да при чем здесь „толкнул”? Такому и толкать не надо! Он заранее знал, что Берлиоз попадет под трамвай!

ДОКТОР. Так... Кто-нибудь, кроме вас, видел этого консультанта?

БЕЗДОМНЫЙ. То-то и беда, только я и Берлиоз...

Затмение. В темноте.

На трибуне АВТОР. В час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах сидели: Михаил Александрович Берлиоз, председатель Московской ассоциации литераторов, сокращенно МАССОЛИТ, и молодой поэт Иван Николаевич Бездомный.

ГОЛОС БЕРЛИОЗА. Дайте нарзану.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*обиженно*). Нарзану нету.

ГОЛОС БЕЗДОМНОГО (*сипло*). Пиво есть?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Пиво привезут к вечеру...

ГОЛОС БЕРЛИОЗА. А что есть?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Абрикосовая, только теплая...

ГОЛОС БЕРЛИОЗА. Ну, давайте, давайте, давайте...

АВТОР. Абрикосовая дала обильную желтую пену, и в воздухе запахло парикмахерской. Напившись, литераторы немедленно начали икать.

Пауза. Из затемнения Берлиоз и Бездомный на скамейке.

БЕРЛИОЗ (*преодолевая икоту*). Ну-с, итак... В чем твоя основная ошибка? Очертил ты Иисуса Христа очень черными красками, но писать поэму надо заново. И вот почему. Живой у тебя Иисус получился, некогда существовавший Иисус, пусть и снабженный всеми отрицательными чертами. Главное же не в том, каков он был, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого как личности вовсе не существовало на свете и что все разговоры о нем — просто выдумки, самый обыкновенный миф. (*Встает. Поднявшись, говорит, как будто обращается к большой аудитории.*) Ни знаменитый Филон Александрийский, ни блестяще образованный Иосиф Флавий, никогда никто ни словом не упоминает о существовании Иисуса. А то место в пятнадцатой книге, в главе сорок четвертой знаменитых тацитовых „Анналов”, где говорится о казни Иисуса, — не что иное, как позднейшая вставка. (*Поэт время от времени громко икает.*) Нет ни одной восточной религии, в которой бы непорочная дева не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых. Вот на это и надо сделать главный упор... (*Из-за трибуны появляется Коровьев. Он кривляется, делает Берлиозу рожи. Берлиоз, вытаращив глаза, смотрит на него, потом хватается за голову. Коровьев исчезает.*) Ваня, ты сейчас ничего не видел?

БЕЗДОМНЫЙ. Нет...

БЕРЛИОЗ. Фу, ты, черт... Ты знаешь, у меня сейчас едва удар от жары не случился! Даже что-то вроде галлюцинации было. (*Садится рядом с Иваном, продолжает. Коровьев из детской клизмы на него льет воду.*) А вот это уже безобразие, хамство, хочется все бросить и уехать в Кисловодск. Ты, Иван,

очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына божья, но соль-то в том... (*Коровьев обливает публику.*)

БЕРЛИОЗ. А, это уж просто хамство! (*Продолжая, на трибуне*). Но соль-то в том, что еще до Иисуса родился целый ряд сынов божьих, как, скажем, финикийский Адонис, фригийский Аттис, персидский Митра. Коротко же говоря, ни один из них не рождался, и никого не было, в том числе и Иисуса, и необходимо, чтобы ты вместо рождения или, предположим, прихода волхвов, изобразил бы нелепые слухи об этом приходе. А то получается по твоему рассказу, что он действительно существовал.

Бездомный мучительно и громко икает. Воланд направляется к литераторам.

ВОЛАНД (*с акцентом*). Извините меня, пожалуйста, что я, не будучи знаком, позволяю себе... Предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что... (*Литераторы поднимаются, раскланиваются.*)

ВОЛАНД. Разрешите присесть? (*Усаживается между ними.*) Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свете? (*Смотрит на Берлиоза.*)

БЕРЛИОЗ (*учтиво*). Нет, вы не ослышались. Именно это я и говорил.

ВОЛАНД. Ах, как интересно!

ВОЛАНД (*Бездомному*). А вы соглашались с вашим собеседником?

БЕЗДОМНЫЙ. На все сто!

ВОЛАНД. Изумительно! (*Оглядываясь.*) Простите мою навязчивость, но я так понял, что вы ко всему прочему еще и не верите в Бога? Клянусь, я никому не скажу!

БЕРЛИОЗ (*улыбнувшись*). Да, мы не верим в бога, но об этом можно говорить совершенно свободно.

ВОЛАНД. Вы – атеисты?

БЕРЛИОЗ (*улыбаясь*). Да, мы – атеисты.

БЕЗДОМНЫЙ. Вот прицепился, заграничный гусь!

ВОЛАНД (*разглядывая литераторов*). Ох, какая прелесть!

БЕРЛИОЗ. В нашей стране атеизм никого не удивляет. Боль-

шинство нашего населения сознательно перестало верить сказкам о боге.

ВОЛАНД (*наильственно пожимая редактору руку*). Позвольте вас поблагодарить от всей души!

БЕЗДОМНЫЙ (*удивленно моргая, чувствуя могильный холод пожатия*). За что это вы его благодарите?

ВОЛАНД (*многозначительно подняв палец*). За очень важное сведение, которое мне как путешественнику чрезвычайно интересно! (*Садится. Пауза.*)

АВТОР. „Нет, он не иностранец”, — подумал Берлиоз. „Где это он наловчился так говорить по-русски, вот что интересно!” — подумал Бездомный.

ВОЛАНД. Но позвольте вас спросить, как же быть с доказательствами бытия Божия, коих, как известно, пять?

БЕРЛИОЗ. Увы! Человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, что в области разума никаких доказательств о существовании бога быть не может!

ВОЛАНД. Bravo! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу. Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собой, соорудил собственное шестое доказательство.

БЕРЛИОЗ (*тонко улыбнувшись*). Доказательство Канта также неубедительно...

БЕЗДОМНЫЙ. Взять бы этого Канта да за такие доказательства года на три в Соловки!

БЕРЛИОЗ (*сконфузившись*). Иван! Иван!

ВОЛАНД (*в восторге*). Именно, именно! Ему там самое место! Ведь говорил я ему тогда за завтраком: „Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали. Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут”.

БЕРЛИОЗ (*в зал*). За завтраком? Канта?.. Что это он плетет?

ВОЛАНД (*Бездомному*). Но отправить его в Соловки невозможно по той причине, что он уже с лишком сто лет пребывает в местах, значительно более отдаленных, чем Соловки, и извлечь его оттуда никоим образом нельзя, уверяю вас.

БЕЗДОМНЫЙ. А жаль!

ВОЛАНД. И мне жаль. Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?

БЕЗДОМНЫЙ (*сердито*). Вот. Сам человек и управляет!

АВТОР. Не совсем поняв вопроса, ответил Бездомный.

ВОЛАНД (*мягко*). Виноват. Для того, чтобы управлять, нужно как-никак иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный, срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день? А бывает еще хуже (*поворачивается к Берлиозу*): только что соберется человек съездить в Кисловодск – пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, так как неизвестно почему вдруг возьмет, поскользнется и попадет под трамвай! Неужели вы скажете, что это он сам собой управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой. (*Смеется странным смешком.*)

АВТОР. „Он не иностранец... он не иностранец... – Он прекрасный субъект... Берлиоз. Но позвольте, кто же он такой?”

ВОЛАНД (*Берлиозу*). Да, мне бы хотелось вас спросить, что вы будете делать сегодня вечером, если не секрет?

БЕРЛИОЗ. Секрета нет. Сейчас я зайду к себе на Садовую, а потом в десять часов вечера в МАССОЛИТе состоится заседание, и я буду на нем председательствовать.

ВОЛАНД (*твердо*). Нет, этого быть никак не может.

БЕРЛИОЗ. Это почему?

ВОЛАНД. Потому (*глядит на небо*), что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила.

АННУШКА. Черт!

ВОЛАНД. Так что заседание не состоится.

БЕРЛИОЗ. Простите, при чем здесь подсолнечное масло... И какая Аннушка?

БЕЗДОМНЫЙ (*решительно*). Подсолнечное масло здесь вот при чем. Вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?

БЕРЛИОЗ. Иван! Иван... Иван...

ВОЛАНД (*весело смеется*). Бывал, бывал и не раз! Где я только не бывал! Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения. Так что вы уж сами узнайте это у него, Иван Николаевич!

Затемнение. Из затемнения: кабинет психиатра. Доктор, Бездомный, Рюхин, санитары, сестры.

ДОКТОР. Так, какие же меры вы приняли, чтобы поймать убийцу? (*Бросает взгляд на сестру, та готовится записывать.*)

БЕЗДОМНЫЙ. Меры вот какие: взял я на кухне свечечку...

ДОКТОР (*показывая*). Вот эту?

БЕЗДОМНЫЙ. Эту самую...

ДОКТОР. А иконка зачем? (*Показывает иконку, Коровьев прячется.*)

БЕЗДОМНЫЙ. Ну да, иконка... Иконка-то больше всего их и испугала. (*Тычет пальцем в Рюхина.*) Но дело в том, что он, консультант, он... будем прямо говорить... с нечистой силой знается... И так просто его не поймаешь. (*Санитары вытягивают руки по швам, не сводят глаз с поэта.*) Да-с! Тут факт бесповоротный. Он лично с Понтием Пилатом разговаривал...

СЕСТРА (*Рюхину*). Женат он?

РЮХИН (*испуганно*). Холост.

СЕСТРА. Член профсоюза?

РЮХИН. Да.

ДОКТОР. Ну-те, ну-те... (*Часы бьют два раза.*)

БЕЗДОМНЫЙ. Эге-ге. (*Вскакивает на ноги.*) Два часа, а я с вами время теряю. У вас есть телефон?

ДОКТОР (*санитарам*). Да, есть. Пропустите к телефону. (*Иван хватает трубку.*)

БЕЗДОМНЫЙ (*кричит в трубку*). Милиция? Милиция? Товарищ дежурный, распорядитесь сейчас же, чтобы выслали

пять мотоциклов с пулеметами для поимки иностранного консультанта.

ДОКТОР. Что нам делать. *(В руках выдернутый шнур телефона.)*

БЕЗДОМНЫЙ. Что? Заезжайте за мной.

ДОКТОР. Кто говорит?

БЕЗДОМНЫЙ. Говорит поэт Бездомный из сумасшедшего дома... *(Доктору.)* Ваш адрес? *(В трубку.)* Вы слушаете? Алло!.. Безобразия!.. *(Швыряет трубку. Подходит к доктору, протягивает ему руку.)* До свиданья!

ДОКТОР. Помилуйте, куда же вы хотите идти? Вы плохо чувствуете себя, останьтесь у нас.

БЕЗДОМНЫЙ *(санитарам)*. Пропустите-ка... *(Те смыкают ряд. Кричит.)* Пустите вы или нет? *(У сестры в руке появляется шприц.)* Ах так? *(Дико озирается.)* Ну ладно же... Прощайте! *(Головой вперед бросается на них. Санитары наваливаются на поэта. Вкатывается тележка. Сестра делает ему укол. Его опускают на тележку.)* Бандиты! *(Вскакивает, его водворяют обратно. Затихает.)* Заточили-таки... Ну и очень хорошо... сами же за все и поплатитесь... я предупредил, а там, как хотите... Понтий Пилат... Пилат... *(Засыпает.)*

ДОКТОР. Ванна. 117-ую отдельную и пост к нему.

Ивана увозят.

РЮХИН *(потрясенно)*. Доктор, он, значит, действительно болен?

ДОКТОР. О да.

РЮХИН. Что с ним такое?

ДОКТОР. Двигательное и речевое возбуждение... бредовые интерпретации... Случай, по-видимому, сложный. Шизофрения, надо полагать...

НА ПАТРИАРШИХ

БЕЗДОМНЫЙ (*Воланду*). Откуда вы меня знаете?

ВОЛАНД. Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает? (*Вытаскивает газету, показывает.*) Стихи... Портрет... „Огонек”. (*Показывает журнал.*)

БЕЗДОМНЫЙ. Я извиняюсь, вы не можете подождать минутку? Я хочу товарищу пару слов сказать. (*Оттаскивает Берлиоза в сторону.*) Вот что, Миша. Он никакой не интурист, а шпион. Это русский эмигрант. Спрашивай у него документы, а то уйдет...

БЕРЛИОЗ (*встревоженно*). Ты думаешь? Пожалуй...

БЕЗДОМНЫЙ (*озираясь*). Уж ты мне верь. Он нарочно дурачком прикидывается, чтобы выпросить кое-что. Идем задержим его, а то...

ВОЛАНД (*поднимаясь навстречу литераторам с документами в руке*). Извините меня, что я в пылу спора забыл представить себя вам. Моя карточка, паспорт и приглашение приехать в Москву для консультации.

БЕРЛИОЗ (*в сторону*). Вот черт, слышал все... (*Показывает жестом, что в предъявлении документов нет надобности.*)

Очень приятно. (*Все трое садятся.*) Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор?

ВОЛАНД. Да, консультантом.

БЕЗДОМНЫЙ. Вы – немец?

ВОЛАНД. Я-то? (*Задумывается.*) Да, пожалуй, немец... Натюрлих.

БЕЗДОМНЫЙ. Вы по-русски здорово говорите.

ВОЛАНД. О, я вообще полиглот и знаю очень большое количество языков.

БЕРЛИОЗ. А у вас какая специальность?

ВОЛАНД. Я – специалист по черной магии.

АВТОР. Пошутил черт.

АВТОР. „На тебе!..” – стукнуло в голове Михаила Александровича.

БЕРЛИОЗ. И... и вас по этой специальности пригласили к нам?

ВОЛАНД. Да, по этой и пригласили... Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века. Требуется, чтобы я их разобрал. Я — единственный в мире специалист.

БЕРЛИОЗ (*с облегчением, уважительно*). А-а! Вы — историк?

ВОЛАНД. Я историк... Сегодня на Патриарших будет интересная история! (*Берлиоз и Бездомный таращат глаза. Воланд манит их к себе, они наклоняются.*) Имейте в виду, Иисус существовал.

БЕРЛИОЗ (*принужденно улыбаясь*). Видите ли, профессор, мы уважаем ваши большие знания, но сами по этому вопросу придерживаемся другой точки зрения.

ВОЛАНД (*грозно*). А не надо никаких точек зрения. Просто он существовал и больше ничего.

БЕРЛИОЗ. Но требуется же какое-нибудь доказательство...

ВОЛАНД. И доказательств никаких не требуется. (*Говорит без акцента.*) Все просто: в белом плаще с кровавым пБдбом, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана...

ПОНТИЙ ПИЛАТ

Секретарь, легионеры, Пилат.

ПИЛАТ (*про себя*). О боги, боги, за что вы наказываете меня?.. Опять она, непобедимая, ужасная болезнь, от нее нет средств, нет никакого спасения... Попробую не двигать головой. (*Садится. Не глядя, протягивает руку, секретарь почтительно вкладывает в нее кусок пергамента, Прокуратор с гримасой боли бегло проглядывает написанное.*)

Иешуа. Руки у него связаны. У Пилата.

ПИЛАТ (*тихо*). Обвиняемый, ты подговаривал народ разрушить ершалаимский храм?

ИЕШУА (*подавшись вперед*). Добрый человек! Поверь мне...

ПИЛАТ (*перебивает*). Ты меня называешь добрым человеком? Ты ошибаешься. (*Тем же голосом.*) Кентуриона Крысобоя ко мне!

Появляется Крысобой.

(*Крысобою.*) Преступник называет меня „добрым человек“. Объясни ему, как надо разговаривать со мной. Но не калечить...

У него бич, бьет обвиняемого. Тот валится наземь.

КРЫСОБОЙ (*гнусаво*). Римского прокуратора называть игемон. Других слов не говорить. Смирно стоять. Ты понял меня или ударить тебя?

ИЕШУА (*хрипло*). Я понял. Не бей меня...

ПИЛАТ (*больным голосом*). Имя?

ИЕШУА (*торопливо*). Мое?

ПИЛАТ. Мое мне известно. Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Твое.

ИЕШУА. Иешуа.

ПИЛАТ. Прозвище есть?

ИЕШУА. Га-Ноцри.

ПИЛАТ. Откуда ты родом?

ИЕШУА (*качнув головой*). Из города Гамалы.

ПИЛАТ. Родные есть?

ИЕШУА. Нет. Я один в мире.

ПИЛАТ. Знаешь ли какой-либо язык, кроме арамейского?

ИЕШУА. Знаю, греческий...

ПИЛАТ. Так это ты собирался разрушить здание храма и призывал к этому народ?

ИЕШУА. Я, доб... (*испуганно замолкает*). Я, игемон, никогда в жизни не собирался разрушать здание храма и никого не подговаривал на это бессмысленное действие.

Секретарь удивленно взглядывает на Иешуа.

ПИЛАТ (*тусклым голосом*). Записано ясно: подговаривал разрушить здание храма. Так свидетельствуют люди.

ИЕШУА (*торопливо*). Эти добрые люди, игемон, ничему не учились и все перепутали. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И все из-за того, что он неверно записывает за мной.

Пауза. Пилат тяжело смотрит на Иешуа.

ПИЛАТ. Повторяю, но в последний раз, перестань притворяться сумасшедшим, разбойник. За тобой записано немного, но достаточно, чтобы тебя повесить...

ИЕШУА (*напряженно*). Все ходит, ходит один. С козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты, прошу, свой пергамент! Но он вырвал его у меня и убежал. (*Пробегает Левий Матвей.*)

ПИЛАТ (*трогая висок, брезгливо*). Кто такой?

ИЕШУА (*охотно*). Левий Матвей. Он был сборщиком податей, и я с ним встретился на дороге. Первоначально он отнесся ко мне неприязненно, даже оскорблял, вернее думал, что оскорбляет, называя меня собакой, но, послушав меня, стал смягчаться, наконец бросил деньги на дорогу и сказал, что пойдет со мной путешествовать...

ПИЛАТ (*секретарю*). О, город Ершалаим! Чего только не услышишь в нем. Сборщик податей, вы слышали, бросил деньги на дорогу! (*Секретарь растерянно улыбается.*)

ИЕШУА. Да. Он сказал, что деньги ему отныне стали ненавистны.

АВТОР. Пилат скалился на солнце, томился, и в тошной муке мысль о яде вдруг соблазнительно мелькнула в большой его голове...

ПИЛАТ. Левий Матвей? А вот что ты все-таки говорил про храм толпе на базаре?

ИЕШУА. Я, игемон, говорил, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины. Сказал так, чтоб было понятнее.

ПИЛАТ. Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рас-

сказывал про истину, о которой не имеешь представления? Что такое истина?

АВТОР. И тут прокуратор подумал: „О боги мои! Я спрашиваю о чем-то не нужном на суде... мой ум не служит мне больше...” И опять померещилась ему чаша с темной жидкостью. „Яду мне, яду...”

ИЕШУА. Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, ты даже не можешь думать ни о чем. Ты думаешь только о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан. Но мученья твои сейчас кончатся, голова пройдет. *(Секретарь таращит глаза. Пилат приподнимается, сжимает руками голову. Снова садится.)* Ну вот, все и кончилось, и я чрезвычайно этому рад. Я советовал бы тебе, игемон, оставить на время дворец и погулять пешком. Гроза начнется *(поворачивается, смотрит на солнце)* ... позднее, к вечеру. Прогулка помогла бы тебе. Я с удовольствием бы сопровождал тебя. Мне пришли в голову кое-какие новые мысли, и я охотно поделился бы ими с тобою, тем более, что ты производишь впечатление очень умного человека. *(Секретарь в испуге роняет свиток.)* Беда в том, что ты слишком замкнут и окончательно потерял веру в людей. Нельзя любить одну собаку. Твоя жизнь скудна, игемон. *(Улыбается.)*

ПИЛАТ *(сорванным голосом)*. Развяжите ему руки! Сознаться, ты великий врач?

ИЕШУА *(с наслаждением потирая руки)*. Нет, прокуратор, я не врач.

ПИЛАТ. Как ты узнал, что я хотел позвать собаку?

ИЕШУА. Это просто. Ты водил рукой по воздуху, как будто хотел погладить, и губы...

ПИЛАТ. Да. *(Пауза.)* Итак, ты не врач?

ИЕШУА *(живо)*. Нет, нет, поверь мне, я не врач.

ПИЛАТ. Ну хорошо. Не говори, если не хочешь. Так ты утверждаешь, что не призывал разрушить храм?

ИЕШУА. Разве я похож на слабоумного, игемон?

ПИЛАТ. О да, ты не похож на слабоумного... Так поклянись, что этого не было.

ИЕШУА *(оживляясь)*. Чем ты хочешь, чтобы я поклялся?

ПИЛАТ. Ну хотя бы жизнью своей. Ею клясться самое время, она висит на волоске, знай это.

ИЕШУА. Не думаешь ли ты, что ты подвесил ее, игемон? Если так, ты очень ошибаешься.

ПИЛАТ *(сквозь зубы)*. Я могу перерезать волосок.

ИЕШУА *(заслоняясь рукой от солнца)*. И в этом ты ошибаешься. Согласись, перерезать волосок может лишь тот, кто его подвесил?

ПИЛАТ. Так, так, теперь я не сомневаюсь, что праздные зеваки в Ершалаиме ходили за тобою по пятам. Не знаю, кто подвесил твой язык, но подвешен он хорошо. Кстати, что ты все время употребляешь слова добрые люди? Ты всех, что ли, так называешь?

ИЕШУА. Всех, злых людей нет на свете.

ПИЛАТ *(усмехаясь)*. Впервые слышу об этом. Но, может, я мало знаю жизнь... *(Секретарю.)* Можете дальше не записывать. *(Иешуа.)* В какой-нибудь из греческих книг ты прочел об этом?

ИЕШУА. Я своим умом дошел до этого.

ПИЛАТ. И ты проповедуешь это?

ИЕШУА. Да.

ПИЛАТ. А вот, например, кентурион Марк — его прозвали Крысобоєм — он добрый?

ИЕШУА. Да. Он, правда, несчастливый человек. С тех пор как добрые люди изувечили его, он стал жесток. *(Мечтательно.)* Если бы с ним поговорить, я уверен, он резко изменился бы.

ПИЛАТ. Мало радости ты доставил бы легату легиона, если бы вздумал разговаривать с кем-нибудь из его офицеров или солдат. Но этого не случится, к общему счастью, и первый об этом позабочусь я. *(Секретарю.)* Все о нем?

СЕКРЕТАРЬ. Нет, к сожалению. *(Подает Пилату кусок пергамента.)*

ПИЛАТ *(хмурится)*. Что там еще? *(Читает, меняется в лице, горбится.)*

АВТОР. И померещилось Пилату, что голова арестанта ушла куда-то, а вместо нее появилась другая. На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец...

Начинают играть негромко и грозно трубы, над головой Пилата чаша с ядом.

ПИЛАТ (*бормочет*). Погибли!.. Бессмертие пришло... Бессмертие... Какая тоска. (*Медленно ушла чаша.*) (*Странно смотрит на Иешуа.*) Слушай, Га-Ноцри, ты когда-либо говорил что-нибудь о великом кесаре?.. Отвечай!.. Говорил? Или не-е-е... говорил?

ИЕШУА. Правду говорить легко и приятно.

ПИЛАТ (*злым голосом, очень громко, для доносителей*). Мне не нужно знать, приятно или неприятно тебе говорить правду. Но тебе придется ее говорить. Только взвешивай каждое свое слово. Итак, отвечай, знаешь ли ты некоего Иуду из Кариафа и что именно ты говорил ему, если говорил о кесаре?

ИЕШУА (*с охотой*). Дело было так. Позавчера вечером я познакомился возле храма с одним молодым человеком... который называл себя Иудой из города Кариафа. Он пригласил меня к себе в дом и угостил.

ПИЛАТ. Добрый человек?

ИЕШУА. Очень добрый и любезный человек. Он выказал величайший интерес к моим мыслям, принял меня весьма радушно...

ПИЛАТ (*в тон арестанту*). Светильники зажег...

ИЕШУА (*немного удивленно*). Да. Он попросил меня высказать свой взгляд на государственную власть. Его этот вопрос чрезвычайно интересовал.

ПИЛАТ. И что же ты сказал? (*Безнадежно.*) Или ты ответишь, что забыл, что говорил?

ИЕШУА. В числе прочего я говорил, что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти, ни кесаря, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть.

ПИЛАТ. Далее.

ИЕШУА. Далее ничего не было. Тут вбежали люди, стали вязать меня и повели в тюрьму. *(Секретарь быстро чертит на пергаменте.)*

ПИЛАТ *(нарастающим голосом)*. На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной для людей власти, чем власть императора Тиберия. И не тебе, безумный преступник, рассуждать о ней! *(Пауза. Кричит.)* Вывести конвой! *(Секретарю.)* Оставьте меня с преступником наедине, здесь государственное дело.

Все уходят.

ПИЛАТ *(после молчания, криво усмехнувшись)*. Итак, Марк Крысобой, холодный и убежденный палач, люди, которые, как я вижу, тебя били за твои проповеди, разбойники Дисмас и Гестас, убившие со своими присными четырех солдат, и, наконец, грязный предатель Иуда — все они добрые люди?

ИЕШУА. Да.

ПИЛАТ. И настанет царство истины?

ИЕШУА *(убежденно)*. Настанет, игемон,

ПИЛАТ *(страшно кричит)*. Оно никогда не настанет! Преступник! Преступник! Преступник! *(Понизив голос.)* Иешуа Га-Ноцри, веришь ли ты в каких-нибудь богов?

ИЕШУА. Бог один. В него я верю.

ПИЛАТ. Так помолись ему, покрепче помолись. Впрочем *(хрипло)*, это не поможет. *(Тоскливо.)* Жены нет?

ИЕШУА. Я один.

ПИЛАТ *(передергивает плечами, как будто озяб, потирает руки, как бы умывая их, бормочет.)* Ненавистный город... Если бы тебя зарезали перед твоим свиданием с Иудой, право, это было бы лучше.

ИЕШУА *(тревожно)*. А ты бы отпустил меня, игемон. Я вижу, меня хотят убить.

ПИЛАТ *(с искаженным судорогой лицом)*. Ты полагаешь, несчастный, что римский прокуратор отпустит человека, го-

ворившего то, что говорил ты? О боги, боги? Или ты думаешь, что я готов занять твое место? Я твоих мыслей не разделяю! И слушай меня: если с этой минуты ты произнесешь хотя бы слово, заговоришь с кем-нибудь, берегись меня! Повторяю тебе — берегись!

ИЕШУА. Игемон...

ПИЛАТ. Молчать! Ко мне!

Появляется секретарь и конвой.

ПИЛАТ. Смертный приговор, вынесенный в собрании Малого Синедриона преступнику Га-Ноцри, утверждаю!

Секретарь записывает. Затемнение.

ПИЛАТ И КАИФА

ПИЛАТ. Я пригласил тебя, первосвященник, чтобы сказать: я разобрал дело Иешуа Га-Ноцри и утвердил смертный приговор. Таким образом, к смертной казни приговорены трое разбойников: Дисмас, Гестас, Вар-Равван, и, кроме того, этот Иешуа Га-Ноцри. Первые двое взяты римской властью, числятся за мной и, следовательно, о них речи здесь идти не будет. Последние же схвачены местной властью и осуждены Синедрионом. Согласно закону, согласно обычаю, одного из преступников нужно будет отпустить на свободу в честь наступающего сегодня великого праздника пасхи. Итак, я желаю знать, кого из двух преступников намерен освободить Синедрион?

КАИФА (*склонив голову*). Синедрион просит отпустить Вар-Раввана.

ПИЛАТ. Признаюсь, этот ответ меня поразил. Боюсь, нет ли здесь недоразумения? Тебе, первосвященник, хорошо известно, что римская власть не покушается на права духовной местной власти. Но в данном случае налицо явная ошибка. Подстрекатель к мятежу, убивший стража при попытке

братъ его, Вар-Равван несравненно опаснее, чем Га-Ноцри, явно сумасшедший человек. Я прошу оставить на свободе того из двух осужденных, кто менее вреден, а таким, без сомнения, является Га-Ноцри. И так?

КАИФА *(твердо)*. Синедрион внимательно ознакомился с делом и вторично сообщает, что намерен освободить Вар-Раввана.

ПИЛАТ. Как? Даже после моего ходатайства? Ходатайства того, в лице которого говорит римская власть? Первосвященник, повтори в третий раз.

КАИФА. И в третий раз сообщаю, что мы освобождаем Вар-Раввана.

Идет странная, неустойчивая музыка, чуть слышно играют трубы, пропадающий голос: „Закон об оскорблении...”

АВТОР. Все было кончено. Га-Ноцри уходил навсегда, и страшные, злые боли прокуратора некому излечить, от них нет средства, кроме смерти. „Бессмертие пришло, бессмертие”, — думал прокуратор. Чье бессмертие пришло? Этого не понял прокуратор, но мысль о нем заставила его похолодеть на солнцепеке.

ПИЛАТ *(тяжело)*. Хорошо. Да будет так. *(Оглядывается, словно хочет уйти и не видит дороги.)* Тесно мне. Тесно мне! *(Рвет пряжку с ворота плаща.)*

КАИФА. Сегодня душно, где-то идет гроза. Страшный месяц нисан в этом году.

ПИЛАТ. Нет, это не от того, что душно, а тесно мне стало с тобой, Каифа. *(Сузив глаза, улыбается.)* Побереги себя, первосвященник.

КАИФА. Ты угрожаешь, Пилат? Мы привыкли, что Пилат выбирает слова, прежде чем сказать. Не услышал бы нас кто-нибудь, игемон?

ПИЛАТ *(оскалившись, изображая улыбку)*. Что ты, первосвященник? Мальчик ли я, Каифа? Разве похож я на юного бродячего философа, которого сегодня казнят? Знаю, что говорю и где говорю. Так знай же, что не будет тебе, перво-

священник, отныне покоя! Ни тебе, ни народу твоему! Это я говорю тебе, Пилат Понтийский, всадник Золотое Копье!

КАИФА. Знаю, знаю! *(Возносит руки к небу.)* Знает народ иудейский, что ты ненавидишь его лютой ненавистью, и много мучений ты ему причинишь, но вовсе ты его не погубишь! Защитит нас Бог! Услышит нас, услышит всемогущий кесарь... Укроет от губителя Пилата.

ПИЛАТ. О нет! Слишком много ты жаловался на меня, Каифа, теперь мой черед. Полетит теперь весть от меня прямо самому императору, весть о том, как вы заведомых мятежников в Ершалаиме прячете от смерти. Вспомни мое слово: увидишь ты здесь, первосвященник, не одну когорту. Нет! Придет под стены города полностью легион Фульмината, подойдет арабская конница и не водой из Соломонова пруда напою я Ершалаим тогда, нет! Услышишь ты горький плач и стенанья! Вспомнишь спасенного Вар-Раввана! Пожалеешь, что послал на смерть философа с его мирной проповедью!

КАИФА *(скалясь)*. Веришь ли ты, прокуратор, тому, что говоришь! Нет, не веришь! Не мир, не мир принес нам обольститель народа, и ты, всадник, это прекрасно понимаешь. Ты хочешь, чтобы он над верою надругался и подвел иудейский народ под римские мечи? Ты слышишь, Пилат? *(Поднимает грозно руку.)* Прислушайся, прокуратор! *(Шум народной толпы, крики.)* Ты слышишь, прокуратор? Неужели ты скажешь мне, что все это *(поднимает обе руки к небу)* вызвал жалкий разбойник Вар-Равван?

ПИЛАТ *(высоко подняв голову, командным сорванным голосом)*. Дело идет к полудню, а мы увлеклись беседою. Именем кесаря императора!!! *(В зал, как к толпе.)* Четверо преступников, арестованных в Ершалаиме за убийства, подстрекательства к мятежу и оскорбление законов меры, приговорены к позорной казни – повешению на столбах. И казнь состоится на Лысой горе! Имена преступников – Дисмас, Гестас, Вар-Равван и Га-Ноцри, вот они перед вами! Имя того, кого сейчас при вас отпустят на свободу... Вар-Равван! *(Бешеный рев, визги, стоны, хохот.)*

КАИФА. Страшный месяц нисан в этом году.

Музыка.

СЕДЬМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

ВОЛАНД. Да, было около десяти часов утра, досточтимый Иван Николаевич...

БЕРЛИОЗ (*внимательно глядя на Воланда*). Ваш рассказ чрезвычайно интересен, профессор, хотя и не совпадает с евангельским.

ВОЛАНД (*снисходительно*). Если мы начнем ссылаться на Евангелие как на исторический источник...

АВТОР. Повторил проклятый буквально то, что говорил Берлиоз поэту, идя с ним по Бронной...

БЕРЛИОЗ (*поспешно*). Это так, но боюсь, никто не сможет подтвердить вашего рассказа.

ВОЛАНД (*с неожиданным акцентом*). О нет! Это может кто подтвердить! (*Манит приятелей поближе.*) Дело в том... (*пугливо озирается*)... что я лично присутствовал при всем этом. Только прошу вас, никому ни слова и полнейший секрет, тсс... (*Пауза.*)

БЕРЛИОЗ (*дрогнувшим голосом*). Вы... вы сколько времени в Москве?

ВОЛАНД (*растерянно*). А я только что сию минуту приехал в Москву.

На трибуне АВТОР. „Вот тебе все и объяснилось! — подумал Берлиоз в смятении. — Приехал сумасшедший немец или только что спятил на Патриарших. Вот так история!”

БЕРЛИОЗ (*делая знак поэту, чтобы тот молчал*). Да, да, да, впрочем, все это возможно... даже очень возможно... А вы один приехали или с супругой?

ВОЛАНД (*горько*). Один, один, я всегда один.

БЕРЛИОЗ (*вкрадчиво*). А где же ваши вещи, профессор? В „Метрополе”? Вы где остановились?

ВОЛАНД (*блуждая глазами*). Я?... Нигде.

БЕРЛИОЗ. Как?... А... где же вы будете жить?

ВОЛАНД (*подмигивая*). В вашей квартире.

БЕРЛИОЗ (*оторопело*). Я... я очень рад, но, право, у меня вам будет неудобно...

ВОЛАНД (*весело, Бездомному*). А дьявола тоже нет?

БЕЗДОМНЫЙ. И дьявола...

БЕРЛИОЗ (*на ухо поэту*). Не противоречь...

БЕЗДОМНЫЙ (*растерянно*). Нету никакого дьявола! Вот наказание. Перестаньте психовать!

ВОЛАНД (*хохочет*). Ну уж это положительно интересно! (*Кричит.*) Так, стало быть, так-таки и нету? (*В зал зрителям.*) Что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет?!

БЕРЛИОЗ. Успокойтесь, успокойтесь, профессор. Вы посидите минуточку с товарищем, а я только сбегая на угол, звякну по телефону, а потом мы вас проводим, куда хотите. Ведь вы не знаете города...

ВОЛАНД. Позвонить? (*Печально.*) Ну что же, позвоните. (*Протягивает ему монету, страстно.*) Но умоляю вас на прощанье, поверьте хоть в то, что дьявол существует! Имейте в виду, что на это есть седьмое доказательство, и уж самое надежное! И вам оно сейчас будет предъявлено!

БЕРЛИОЗ (*фальшиво ласково*). Хорошо, хорошо! (*Бежит.*)

ВОЛАНД (*вдогонку*). Михаил Александрович!

АВТОР. Вздрогнул, обернулся Берлиоз, но успокоил себя мыслью, что имя его и отчество известны профессору из газет.

ВОЛАНД (*сложив ладони рупором*). Не прикажете ли, я велю дать вашему дяде в Киев телеграмму?

АВТОР. И опять передернуло Берлиоза. Откуда же сумасшедший знает о киевском дяде? Ведь о дяде-то в газетах ничего не написано.

БЕРЛИОЗ (*бормочет*). Ах, до чего странный субъект! Звонить, звонить, его сейчас разьяснят! (*Перед ним вырастает Коровьев.*)

КОРОВЬЕВ. Сюда, пожалуйста! (*Кривляясь.*) С вас бы за указание на четверть литра... поправиться бывшему регенту!..

Снимает жокейский картузик. Берлиоз делает шаг вперед, Коровьев воровским приемом дает ему подножку. Берлиоз падает на спину. Скрип трамвая на повороте, голос в репродукторе: „Берегись трамвая!“ Отчаянные крики. Выкатывается круглый предмет — отрезанная голова Берлиоза. Появляются какие-то люди, бежит Бездомный.

БЕЗДОМНЫЙ (*тревожно озираясь, хлопает себя по лбу, устремляется назад*). Догнать, разъяснить... (*На скамейке Воланд и Коровьев. Бездомный наступает на Воланда.*) Сознавайтесь, кто вы такой?

ВОЛАНД (*непрязненно, как будто не узнавая поэта*). Не понимай... русски говорить...

КОРОВЬЕВ (*развязно*). Они не понимают.

БЕЗДОМНЫЙ (*Воланду*). Не притворяйтесь. Вы только что прекрасно говорили по-русски. Он не немец и не профессор! Он – убийца и шпион!.. (*Яростно.*) Документы! (*Воланд пожимает плечами.*)

КОРОВЬЕВ. Гражданин! Вы что же это волнуете интуриста? За это с вас строжайше взыщется!

Воланд поднимается и идет прочь от поэта.

БЕЗДОМНЫЙ (*растерянно, Коровьеву*). Эй, гражданин, помогите задержать преступника! Вы обязаны это сделать!

КОРОВЬЕВ (*вскакивает, радостно орет*). Который преступник? Где он? Иностранный преступник? Этот? Ежели он преступник, то первом долгом следует кричать „караул“! А то он уйдет. Давайте вместе разом. (*Командует рукой.*)

БЕЗДОМНЫЙ (*в одиночестве*). Кара-у-ул! (*Поняв, что его надули, в ярости.*) А, так ты с ним заодно? Глумишься надо мной? Пусти! (*Кидается вправо, Коровьев – влево, влево и тот влево.*) Ты нарочно под ногами путаешься? Я тебя самого передам в руки милиции!

Пытается ухватить Коровьева, промахивается, падает. Мечется. Замечает Воланда, Коровьева и Бегемота на другой стороне сцены. Устремляется к ним. Тройка появляется с другой стороны сцены, рассыпается.

Затемнение.

АМВРОСИЙ И ФОКА

На авансцене Амвросий и Фока встречаются.

ФОКА. Ты где сегодня ужинаешь, Амвросий?

АМВРОСИЙ. Что за вопрос, конечно, в Грибоедове, дорогой Фока! Арчибальд Арчибальдович шепнул мне сегодня, что будут порционные судачки а натюрель. Виртуозная штучка!

ФОКА *(со вздохом)*. Умеешь ты жить, Амвросий!

АМВРОСИЙ. Никакого умения особенного у меня нету, а обыкновенное желание жить по-человечески.

АВТОР. Эх-хох-хо... Да, было, было! Помнят московские старожилы знаменитого Грибоедова!

БЫЛО ДЕЛО В ГРИБОЕДОВЕ

Множество народа танцует фокстрот. Ревет джаз. Голос в репродукторе командует: „Карский раз! Зубрик два! Фляки господарские!!!” Тонкий голос завывает: „Аллилуйя” Грохот посуды. У тележки-стола меняется народ, выпивает. Вдруг голоса.

ОДИН из постоянных посетителей ресторана Грибоедов. Только что Мишу Берлиоза на Патриарших зарезало трамваем.

„Берлиоз? Что, что? Берлиоз!!!” Сумятица. Голоса: „Телеграмму! Коллективную телеграмму!”

АВТОР. Какую телеграмму? Куда? И зачем ее посылать? Погиб он, и не нужна ему никакая телеграмма! Все кончено, не будем больше загружать телеграф. Да, погиб он... погиб... Но мы-то ведь живы!

Пляска начинается снова, чуть медленнее, чем раньше, чуть ленивее. У столика-тележки выпивают. Появляется Без-

домный. Он со свечой в руке, с иконкой на груди. Входит в круг, озирается, внимательно разглядывает людей. Пляска останавливается.

БЕЗДОМНЫЙ. Братья по литературе! Слушайте меня все! Он появился! Ловите его немедленно, иначе он натворит неопишуемых бед!

ГОЛОСА. Что? Что? Что он сказал? Кто появился?

БЕЗДОМНЫЙ. Консультант. И этот консультант сейчас убил на Патриарших Мишу Берлиоза...

ВЕЖЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК (*тихо*). Виноват, виноват, скажите точнее, как это убил? Кто убил?

БЕЗДОМНЫЙ (*озираясь*). Иностраннный консультант, убийца и шпион.

ВЕЖЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК. А как его фамилия?

БЕЗДОМНЫЙ (*в тоске*). То-то фамилия! Кабы я знал фамилию! Помню только первую букву „ве“, на „ве“ фамилия! (*Схватившись за лоб.*) Ве, ве, ве, во... Вашнер, Вагнер, Винтер?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*жалостно*). Вульф?

БЕЗДОМНЫЙ (*сердито*). Дура! При чем тут Вульф? Вульф ни в чем не виноват. Вот что, граждане, срочно, срочно в милицию, чтобы выслали пять мотоциклетов с пулеметами, профессора ловить. А я пока что обыщу Грибоедова, я чую, что он здесь! (*Расталкивает окружающих, размахивает свечой, приседает.*)

ГОЛОСА. Доктора, доктора!

К Бездомному приближается Лицо в роговых очках.

РЮХИН. Товарищ Бездомный, успокойтесь. Вы расстроены смертью всеми нами любимого Михаила Александровича... нет, просто Миши Берлиоза. Мы все это прекрасно понимаем. Вам нужен покой. Сейчас товарищи проводят вас в постель, и вы забудетесь...

БЕЗДОМНЫЙ (*оскалившись*). Ты понимаешь ли, что надо поймать профессора? А лезешь ко мне со своими глупостями! Кретин!

РЮХИН. Товарищ Бездомный, помилуйте!..

БЕЗДОМНЫЙ (с ненавистью). Нет, уж кого-кого, а тебя я не помилую.

Быстро перекладывает свечку из правой руки в левую, бьет Рюхина по уху. На него бросаются, свеча гаснет, грохот, шум свалки.

Затемнение.

ПИРАТ И ШВЕЙЦАР

На авансцене Арчибальд Арчибальдович в полупиратском одеянии и испуганный швейцар.

АРЧИБАЛЬД АРЧИБАЛЬДОВИЧ. Ты видел, что он в кальсонах?

ШВЕЙЦАР. Да ведь, Арчибальд Арчибальдович, как же я могу их не допустить, если они — член МАССОЛИТА?

АРЧИБАЛЬД АРЧИБАЛЬДОВИЧ (упорно). Ты видел, что он в белье?

ШВЕЙЦАР (отчаянно). Помилуйте, Арчибальд Арчибальдович. Я сам понимаю, на веранде дамы сидят...

АРЧИБАЛЬД АРЧИБАЛЬДОВИЧ. Дама здесь ни при чем, дамам это все равно. Это милиции не все равно! Человек в белье может следовать по улицам Москвы только в одном случае, если он идет в сопровождении милиции, и только в одно место — отделение милиции! А ты, если ты швейцар, должен знать, что, увидев такого человека, должен, не медля ни секунды, начинать свистеть. Ты слышишь? Что делается? Смотри, Ваня, это в последний раз. (Командует.) Пантелея из буфетной. Милиционера. Протокол. Машину. В психиатрическую. Свисти.

Швейцар заливается. Орущая, гомонящая толпа пронесет связанного полотенцами Бездомного, который заливается слезами, выкрикивает: „Сволочь, сволочь...” Толпа тащит Бездомного. Кидают его в кузов грузовика.

АВТОР. Заточили, заточили поэта...

БЕЗДОМНЫЙ *(мотаясь в кузове)*. Заточили... сволочи...

Занавес

НЕХОРОШАЯ КВАРТИРА

АВТОР. Если бы директору Варьете Степану Богдановичу Лиходееву, проживающему в доме 302-бис по Садовой улице, в то утро сказали: „Лиходеев, если вы не встанете, вас расстреляют”, Лиходеев ответил бы: „Стреляйте!”.

ЛИХОДЕЕВ *(приподнимает голову)*. О-о-о...

ВОЛАНД *(с акцентом)*. Добрый день, симпатичный Степан Богданович!

ЛИХОДЕЕВ *(с усилием)*. Что?.. Кто?.. Вам... угодно?

ВОЛАНД *(вынимает часы)*. Одиннадцать. И ровно час, как я дожидаюсь вашего пробуждения. Вы назначили мне быть ровно в десять. Вот и я!

ЛИХОДЕЕВ *(встает, натягивает брюки)*. Извините. Скажите, пожалуйста, вашу фамилию.

ВОЛАНД *(улыбаясь)*. Как?! Вы и фамилию мою забыли?

ЛИХОДЕЕВ *(хрипит)*. Простите...

ВОЛАНД. Дорогой Степан Богданович, следуйте старому мудрому правилу — лечить подобное подобным. Единственно, что вернет вас к жизни, это две стопки водки с острой и горячей закуской.

ЛИХОДЕЕВ *(еле ворочая языком)*. Откровенно сказать, вчера я...

ВОЛАНД. Ни слова больше! *(Отодвигается, вкатывают тележку-стол. Воланд наливает стакан, подает Степе.)*

ЛИХОДЕЕВ *(пискливо)*. А вы?

ВОЛАНД. С удовольствием! *(Выпивают. Лиходеев закусывает.)*

ЛИХОДЕЕВ *(жуя)*. А вы что же... закусить? Не пошла...

ВОЛАНД. Благодарствуйте, я не закусываю никогда. *(Снова наливает.)* Ну, теперь, я надеюсь, вы вспомнили мою фами-

лию? *(Лиходеев стыдливо разводит руками.)* Однако! Я чувствую, что после водки вы пили портвейн. Помилуйте, да разве это можно делать?!

ЛИХОДЕЕВ *(заискивающе)*. Я хочу вас попросить, чтобы это осталось между нами...

ВОЛАНД. О, конечно, конечно! *(Замечая вопросительный взгляд Лиходеева, официально.)* Профессор черной магии Воланд! Вчера днем прибыл из-за границы в Москву, немедленно явился к вам и предложил свои гастроли во вверенном вам Варьете. Для уточнения деталей условились встретиться сегодня в десять часов. И я пришел.

ЛИХОДЕЕВ *(тихо)*. Разрешите взглянуть на контракт...

ВОЛАНД. Пожалуйста. *(Подает бумагу. Лиходеев рассматривает ее.)*

ЛИХОДЕЕВ. Я должен позвонить заместителю...

ВОЛАНД. Пожалуйста. *(Протягивает трубку.)*

ЛИХОДЕЕВ *(в трубку)*. Здравствуйте, Григорий Данилович. Это Лиходеев. Вот какое дело... гм... гм... у меня сидит этот артист на букву „Ве“... э... Во... Во... артист Воланд... Так вот... я хотел бы спросить, как насчет сегодняшнего вечера?

Прожектор освещает Римского с трубкой в руке.

РИМСКИЙ. Ах, черный маг? Афиши сейчас будут.

ЛИХОДЕЕВ. Ага... Ну, пока...

РИМСКИЙ. А вы скоро придете?

ЛИХОДЕЕВ. Через полчаса. *(Направляется к Воланду, перед ним стоит призраком Коровьев, Лиходеев трет глаза, а когда снова открывает их, перед ним проходит Бегемот. Гелла: „Дай-ка я тебя поцелую“.)* Что это такое? Какой тут кот у нас шляется?! И кто-то еще?!

ВОЛАНД *(кричит)*. Не беспокойтесь, Степан Богданович. Кот мой. Не нервничайте.

Лиходеев вздрагивает, трусцой бежит назад. Видит за столом Коровьева, Бегемота и Воланда. Кот с рюмкой водки и вилкой в лапе.

ЛИХОДЕЕВ (*бормочет*). Вот как, оказывается, сходят с ума...

ВОЛАНД. Я вижу, вы немного удивлены, дражайший Степан Богданович? А удивляться нечему. Это моя свита. (*Кот выпивает водку. У Лиходеева подгибаются ноги.*) И свита эта требует места. Так что кто-то из нас здесь лишний в квартире. И мне кажется — именно вы!

КОРОВЬЕВ (*козлиным голосом*). Они, они! Они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают, начальству втирают очки!

БЕГЕМОТ (*жуя*). Машину зря гоняет казенную!

Появляется Азазелло.

АЗАЗЕЛЛО (*гнусаво*). Я вообще не понимаю, как он попал в директора, он такой же директор, как я — архиерей.

БЕГЕМОТ (*работая вилкой*). Ты не похож на архиерея, Азазелло.

АЗАЗЕЛЛО (*Воланду*). Разрешите, мессир, выкинуть его из Москвы.

БЕГЕМОТ. Брысь!!!

Азазелло, Коровьев, Бегемот хватают Лиходеева, выбрасывают его со сцены.

ЛИХОДЕЕВ (*в зале*). Умоляю, скажите, какой это город...

КОРОВЬЕВ. Ялта!

КОРОВЬЕВСКИЕ ШТУЧКИ

Сидит Коровьев, входит управдом в сталинском кителе — Никанор Иванович.

НИКАНОР ИВАНОВИЧ (*испуганно*). Вы кто такой будете, гражданин?

КОРОВЬЕВ (*вскакивает*). Ба! Никанор Иванович! (*Бросается к нему и насильственно жмет руку.*)

НИКАНОР ИВАНОВИЧ (*с подозрением*). Я извиняюсь, вы — лицо официальное?

КОРОВЬЕВ (*задушевно*). Эх, Никанор Иванович! Что такое официальное лицо или неофициальное? Все это, Никанор Иванович, зыбко и условно. Сегодня я — неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное. А бывает наоборот, и еще как бывает!

НИКАНОР ИВАНОВИЧ (*рассвирепев*). Да кто вы такой? Как попали в запечатанную квартиру гражданина Берлиоза?

КОРОВЬЕВ. Я, изволите ли видеть, состою переводчиком при особе иностранца, имеющего резиденцию в этой квартире.

НИКАНОР ИВАНОВИЧ (*открывает от изумления рот*). Ничего не понимаю. Какой иностранец, где иностранец? Нет и не может быть иностранца!

КОРОВЬЕВ. Объясню. Иностранец, артист, господин Воланд, любезно приглашен директором Варьете Степаном Богдановичем Лиходеевым провести время его гастролей, примерно недельку, у него в квартире, о чем он еще вчера сообщил Никанору Ивановичу, председателю жилищного товарищества дома № 302-бис по Садовой улице, с просьбой прописать иностранца временно, покуда сам Лиходеев съездит в Ялту.

НИКАНОР ИВАНОВИЧ. Ничего он мне не писал.

КОРОВЬЕВ (*сладко*). А вы поройтесь в портфельчике, Никанор Иванович.

Никанор Иванович, пожимая плечами, открывает портфель и обнаруживает письмо Лиходеева.

НИКАНОР ИВАНОВИЧ (*тупо глядит на конверт*). Как же это я про него забыл?

АВТОР (*в зал*). Да, что же это с памятью, граждане?

КОРОВЬЕВ. То ли бывает, то ли бывает, Никанор Иванович. Рассеянность, переутомление и повышение кровяного давления...

НИКАНОР ИВАНОВИЧ. Когда же Лиходеев едет в Ялту?
КОРОВЬЕВ. Да он уже уехал. Он уж черт знает где! Черт знает... где... *(Машет руками.)*

НИКАНОР ИВАНОВИЧ. Мне необходимо поговорить с иностранцем.

КОРОВЬЕВ. Никак невозможно. Занят. Дрессирует кота. *(Пауза.)* Кота, ежели угодно, могу показать. Бегемот!

НИКАНОР ИВАНОВИЧ *(оскорбленно)*. Кота нам не надо, котов мы...

КОРОВЬЕВ *(перебивая)*. Никанор Иванович, дельце есть. Не сдаст ли жилтоварищество на недельку всю квартиру, то есть и комнаты покойного Берлиоза. *(Шепотом.)* Ну сами согласитесь, Никанор Иванович, покойнику квартира ни к чему! Покойники в квартирах не нуждаются.

НИКАНОР ИВАНОВИЧ *(недоуменно)*. Иностранцам полагается жить в „Метрополе”, а не на частных квартирах...

КОРОВЬЕВ. Говорю вам, капризен, как черт! Не желает жить в гостиницах. *(Интимно.)* Вот они где у меня сидят, эти иностранцы! Тьфу, гадость. *(Тычет пальцем в шею.)* Верите ли, всю душу вымотали. За деньгами он не постоит. *(Оглядывается, на ухо председателю.)* Миллионер! Тьфу, противно просто.

НИКАНОР ИВАНОВИЧ *(несколько смущенно и растерянно)*. Жилтоварищество согласно сдать на неделю квартиру № 50 артисту Воланду с оплатой по...

КОРОВЬЕВ. Ну, смелее!

НИКАНОР ИВАНОВИЧ. Пятьсот рублей в день...

КОРОВЬЕВ *(воровски подмигивая в сторону спальни)*. За неделю, стало быть, выходит три с половиной тысячи? Да разве это сумма? Просите пять, он даст. *(Коровьев бросается к столу, что-то пишет, убегает, возвращается, протягивает листок на подпись председателю, тот подписывает, растерянно улабаясь.)* Расписочку прошу. На пять... *(Никанор Иванович пишет.)* Прописью, прописью... тысяч рублей. *(Вытаскивает деньги.)* Эй, цвей, дрей. *(Вручает председателю. Председатель укладывает деньги в портфель. Коровьев подходит прощаться, протягивает правую руку, а левой вручает*

председателю еще одну пачку.) Это за труды... (Вынимает из трусов деньги.)

НИКАНОР ИВАНОВИЧ. Где вы только деньги держите?

КОРОВЬЕВ. Какие деньги, там и держим. А это вам.

НИКАНОР ИВАНОВИЧ *(метнув взгляд на пачку, отпихивает ее от себя)*. Этого не полагается...

КОРОВЬЕВ *(сладко)*. У нас не полагается, а у иностранцев полагается. Вы его обидете, а это неудобно. Вы трудились...

НИКАНОР ИВАНОВИЧ *(тихо-претихо)*. Строго преследуется...

КОРОВЬЕВ. А где свидетели? Где они? Что вы? *(Пачка скользит в портфель. Никанор Иванович, пошатываясь, уходит. Сразу же распаивается запечатанная дверь.)*

ГОЛОС ВОЛАНДА. Мне этот Никанор Иванович не понравился. Он — выжига и плут. Нельзя ли сделать так, чтобы он больше не приходил?

КОРОВЬЕВ *(очень чистым и звучным голосом)*. Мессир, вам стоит приказать. *(Подходит к телефону. Коровьев в трубку плаксиво, патриотично.)* Алло! Считаю долгом сообщить, что наш председатель жилтоварищества дома № 302-бис на Садовой, Никанор Иванович Босой, спекулирует валютой. В данный момент в его квартире — в вентиляции, в уборной, в газетной бумаге — четыреста долларов.

АВТОР. Кто говорит?

КОРОВЬЕВ. Говорит жилец означенного дома из квартиры № 11 Тимофей Квасцов. Но заклинаю держать в тайне мое имя. Опасаюсь мести вышезаложенного... вышеизложенного председателя. *(Вешает трубку.)*

АВТОР. И повесил трубку, подлец!

Световой занавес.

ВЕСТИ ИЗ ЯЛТЫ

Кабинет Варьете. Римский и Варенуха. Капельдинер вносит пачку афиш. Варенуха разворачивает одну, смотрит.

Афиша: „Сегодня и ежедневно в театре Варьете сверх программы – ПРОФЕССОР ВОЛАНД, сеансы черной магии с полным ее разоблачением.

ВАРЕНУХА (*капельдинеру*). Немедленно в расклейку все экземпляры. (*Капельдинер уходит.*) Хорошо... Броско!

РИМСКИЙ (*злобно*). А мне до крайности не нравится эта затея. Как ему разрешили это поставить?

ВАРЕНУХА. Нет, Григорий Данилович, не скажи! Тонкий шаг. Тут вся соль в разоблачении.

РИМСКИЙ. Не знаю, не знаю, никакой, по-моему, соли нет... И всегда он придумывает... Хоть бы показал этого мага! Откуда он его выкопал, черт знает! (*Вынимает часы, сердится.*) У меня дело стоит, а директор... (*Неслышно ругается.*)

ВАРЕНУХА (*берясь за телефонную трубку*). Уж не попал ли он, как Миша Берлиоз, под трамвай?

РИМСКИЙ (*сквозь зубы*). А хорошо бы было...

КОРОВЬЕВ. Где тут Варьете? Телеграмма Вам. Распишитесь.

Варенуха расписывается. Коровьев улетает. Варенуха читает телеграмму.

ВАРЕНУХА. Ялты Москву Варьете. Сегодня половину двенадцатого угрозыск явился шатен ночной сорочке без сапог психический назвался Лиходеевым директором Варьете. Молнируйте ялтинский угрозыск где директор Лиходеев. (*Передает телеграмму Римскому.*)

РИМСКИЙ. Еще сюрприз!

ВАРЕНУХА (*читает*). „Умоляю верить брошен Ялту гипнозом Воланда молнируйте угрозыску подтверждение личности Лиходеев”.

Истуканами смотрят друг на друга.

КОРОВЬЕВ (*сердито*). Граждане! Расписывайтесь, а потом уж будете молчать сколько угодно. Я сверхмолнии разношу...

Варенуха расписывается.

ВАРЕНУХА *(недоуменно)*. Ты же с ним в начале двенадцатого разговаривал по телефону?

РИМСКИЙ *(пронзительно кричит)*. Да смешно говорить! Не может он быть в Ялте! Где он остановился, этот Воланд, черт его возьми?

ВАРЕНУХА. В интуристском бюро говорят, в квартире Лиходеева. А квартира не отвечает... *(Влетает Коровьев. Варенуха расписывается.)* Это уже становится интересным. *(Передаёт телеграмму Римскому.)*

РИМСКИЙ *(читает)*. „Доказательство мой почерк молниურите подтверждение Лиходеев”. Фототелеграмма...

ВАРЕНУХА. Этого не может быть!

Римский решительно извлекает какие-то бумаги, сравнивает их с телеграммой. После некоторого молчания.

РИМСКИЙ *(твёрдо)*. Это его почерк.

ВАРЕНУХА *(эхом)*. Его?! *(Бегает.)* Не понимаю, не понимаю, не понимаю! Умно. Вот это...

ВАРЕНУХА. Очень умно! Глупо! Не может быть он в Ялте!

Римский аккуратно складывает все телеграммы в конверт, пишет несколько слов на конверте и вручает его Варенухе.

РИМСКИЙ. Сейчас же, Иван Савельевич, лично отвези. Пусть там разбираются.

ВАРЕНУХА. А вот это действительно умно. *(Прежде чем уйти, набирает номер, звонит. Сладко.)* Артиста Воланда можно попросить?

КОРОВЬЕВ. Они заняты, а кто спрашивает?

ВАРЕНУХА. Администратор Варьете Варенуха.

КОРОВЬЕВ *(радостно)*. Иван Савельевич? Страшно рад слышать! Как ваше здоровье?

ВАРЕНУХА *(изумленно)*. Мерси! А с кем я говорю?

КОРОВЬЕВ. Помощник, помощник его и переводчик Коровьев. Весь к вашим услугам. И так?

ВАРЕНУХА. Простите... что, Лиходеева сейчас нету дома?

КОРОВЬЕВ. Увы, нету! Нету! Уехал!

ВАРЕНУХА. А куда?

КОРОВЬЕВ. За город кататься на машине.

ВАРЕНУХА. К... Как? Ка... Кататься?.. А когда вернется?

КОРОВЬЕВ. А сказал, подышу свежим воздухом и вернусь.

ВАРЕНУХА *(растерянно)*. Так... Мерси...

КОРОВЬЕВ. Прошу принять мои наилучшие, наигорячейшие приветы и пожелания! Успехов! Удач! Личного счастья! Всего!

ВАРЕНУХА *(бросает трубку, возбужденно)*. Ну, конечно. Я же говорил! Никакая не Ялта, а он уехал за город кататься!

РИМСКИЙ *(задыхаясь, со злобой)*. Ну, если так, то это действительно свинство, которому нет названия!

ВАРЕНУХА *(подпрыгнув, кричит)*. Вспомнил! Вспомнил! В Пушкине открылась чебуречная „Ялта“! Все понятно! Поехал туда, напился и теперь оттуда телеграфирует!

РИМСКИЙ. Дорого ему эта прогулка обойдется!.. *(Нерешительно.)* Но ведь угрозыск...

ВАРЕНУХА. Это вздор. Его шуточки. А пакет-то везти?

РИМСКИЙ *(твердо)*. Обязательно!

Варенуха находит свой портфель, надевает кепку. Звонит телефон.

ВАРЕНУХА. Да!

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Иван Савельевич?

ВАРЕНУХА. Его нету в театре!

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Не валяйте дурака, Иван Савельевич, а слушайте. Телеграммы эти никуда не носите и никому не показывайте.

ВАРЕНУХА *(негодую)*. Кто это говорит? Прекратите, гражданин, эти шуточки! Вас сейчас же обнаружат! Ваш номер?

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Варенуха, ты русский язык понимаешь? Не носи.

ВАРЕНУХА *(в ярости)*. А, так вы не унимаетесь? Поплатитесь...

Швыряет трубку, устремляется вон. Затемнение.

БЕДА С ВАРЕНУХОЙ В ТРАМВАЕ

Варенуха спешит, проталкиваясь.

ВАРЕНУХА. Проездной!

БЕГЕМОТ. Единый! Это вы, Иван Савельевич?

ВАРЕНУХА *(неприятно)*. Ну, я.

БЕГЕМОТ *(пискляво)*. Очень приятно, очень... *(Бьет Варенуху по уху. В правое ухо его бьет Азазелло.)*

ВАРЕНУХА. Что вы, товари... гражд... *(Его бьют.)*

БЕГЕМОТ *(пронзительно)*. Что у тебя в портфеле, паразит? Телеграммы? А тебя предупреждали по телефону? Предупреждали, я спрашиваю?

ВАРЕНУХА *(задыхаясь)*. Предупреждали... дали... дали...

АЗАЗЕЛЛО. А ты все-таки побежал? Дай сюда портфель, гад!

Вырывает портфель. Они подхватывают Варенуху под руки и утаскивают.

АВТОР. Ведь предупреждали...

ПОПЛАВСКИЙ – ДЯДЯ БЕРЛИОЗА

По авансцене идет Поплавский с чемоданом в одной руке, с телеграммой – в другой.

АВТОР. Максимилиан Андреевич Поплавский считался, и заслуженно, одним из умнейших людей в Киеве. Но и самого умного человека подобная телеграмма может поставить в тупик.

ПОПЛАВСКИЙ *(читает)*. „Меня только что зарезало трамваем на Патриарших похороны в пятницу в три часа дня приезжай Берлиоз”. Что за чушь?

АВТОР. Извините, зарезанный телеграмму дать никак не может. Но квартира в Москве — это серьезно, и телеграмма потрясла Поплавского. Вот почему он направляется в квартиру № 50.

Поплавский стучит. Над дверью загорелся фонарь, цифра „50”. На сцене освещаются Бегемот и Коровьев. Коровьев впускает Поплавского.

ПОПЛАВСКИЙ *(кланяется, вежливо)*. Моя фамилия Поплавский. Я являюсь дядей... *(Коровьев выхватывает платок, утыкается в него, плачет.)* ...покойного Берлиоза...

КОРОВЬЕВ *(перебивая)*. Горе, горе! Горе-то, а? Ведь это что такое делается, а?

ПОПЛАВСКИЙ *(шепотом)*. Трамваем зарезало?

КОРОВЬЕВ *(кричит)*. Начисто! Начисто! Эта баба... Аннушка... масло... *(Показывает, как дал подножку.)* Верите, раз — голова прочь! Правая нога — хрусть, пополам! *(Бегемоту, очень спокойно.)* Так было, правильно я гражданину показываю?

БЕГЕМОТ *(надуваясь)*. Котам давать показания нежелательно.

КОРОВЬЕВ *(Поплавскому)*. Вот до чего эти трамваи доводят! *(Содрогается от рыданий.)*

ПОПЛАВСКИЙ *(ничего не поняв, в сторону)*. Вот, говорят, не бывает в наш век сердечных людей!

АВТОР. И тут же мелькнула змейкой мысль у Поплавского, а не прописался ли этот сердечный человек уже в квартире покойного, ибо такие примеры в жизни бывали. И еще как бывали!

ПОПЛАВСКИЙ *(утирая рукавом глаза)*. Простите, вы были другом покойного Миши?

КОРОВЬЕВ *(рыдает)*. Хрусть... пополам... хрусть... *(Пауза.)* Нет, не могу больше! Пойду приму триста капель эфирной валерьянки...

БЕГЕМОТ. Мне сто пятьдесят капель... и кружку пива...

КОРОВЬЕВ *(возмущенно)*. Тебе? В вытрезвитель попадешь...

БЕГЕМОТ *(Поплавскому)*. Отдай мою мышь... *(Снимает с головы Поплавского мышь.)*

ПОПЛАВСКИЙ *(Коровьеву)*. Я извиняюсь, вы мне дали телеграмму?

КОРОВЬЕВ *(показывая на кота)*. Он. *(Поплавский таращит глаза.)* Нет, не в силах, нет мочи... *(Шмыгает носом.)* Как вспомню: колесо по ноге... Одно колесо пудов десять весит... хрусть!.. Пойду лягу в постель, забудусь сном. *(Уходит.)*

ПОПЛАВСКИЙ. Кто мне дал телеграмму?

БЕГЕМОТ *(спрыгнув со стула, подбоченясь)*. Ну, я дал телеграмму. Дальше что? *(Поплавский роняет чемодан.)* Я, кажется, русским языком спрашиваю: дальше что? *(Рявкает.)* Паспорт! *(Поплавский выхватывает паспорт, протягивает коту. Тот надевает очки.)*

ПОПЛАВСКИЙ. Вот интересно, упаду я в обморок или нет?..

БЕГЕМОТ *(откусив у мыши голову, затыкает рот Поплавскому)*. Хвосты-то не едят. *(Вырывает хвост, бросает в публику.)* Каким отделением выдан документ?.. *(Пауза.)* Четыреста двенадцатым? Ну да, конечно! Мне это отделение известно, там кому попало выдают паспорта. А я бы, например, не выдал такому, как вы! Глянул бы только раз в лицо и моментально отказал бы! *(Швыряет паспорт на пол. Официально.)* Ваше присутствие на похоронах отменяется. Постарайтесь уехать к месту жительства. *(Рявкает.)* Азazelло! *(Поплавский судорожно хватает ртом воздух. Появляется Азazelло.)* Азazelло, проводи! *(Уходит.)*

АЗАЗЕЛЛО *(гнусаво)*. Поплавский, надеюсь, уже все понятно? *(Поплавский несколько раз судорожно кивает.)* Возвращайся немедленно в Киев. Сиди там тише воды, ниже травы, и ни о каких квартирах в Москве не мечтай. Ясно?

Поднимает паспорт, вручает Поплавскому. Одной рукой берет чемодан, другой Поплавского. Бегемот ставит мышь на лысину Поплавского и выталкивает его в зал.

АВТОР. „Все смешалось в доме Облонских”, — как справедливо выразился знаменитый писатель. Да. Все смешалось в глазах Поплавского, и полетел, полетел он в родной Киев.

ЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

Бездомный и Мастер.

АВТОР. Вот он, мой герой — бедный окровавленный мастер!
БЕЗДОМНЫЙ *(шепотом)*. Как вы сюда попали? Двери-то на замке.

МАСТЕР. Наша фельдшерница — милейший, но, увы, рассеянный человек. Я стащил у нее месяц назад связку ключей и получил возможность иногда навестить соседа.

БЕЗДОМНЫЙ *(заинтересованно)*. Вы же можете удрать?

МАСТЕР *(твердо)*. Мне удирать некуда. *(Пауза.)* Итак, сидим?

БЕЗДОМНЫЙ *(вглядываясь в Мастера)*. Сидим.

МАСТЕР *(вдруг тревожно)*. Да... Но вы, надеюсь, не буйный? А то я, знаете ли, не выношу шума, возни, насилий и всяких вещей в этом роде. Успокойте меня, скажите, вы не буйный?

БЕЗДОМНЫЙ *(мужественно)*. Вчера в ресторане я одному типу по морде засветил.

МАСТЕР *(строго)*. Основание?

БЕЗДОМНЫЙ *(конфузясь)*. Да, признаться, без основания.

МАСТЕР. Безобразие! Профессия?

БЕЗДОМНЫЙ *(неохотно)*. Поэт.

МАСТЕР *(огорченно)*. Ох, как мне не везет. *(Спохватывается.)* А как ваша фамилия?

БЕЗДОМНЫЙ. Бездомный. *(Мастер морщится.)* А вам что же, мои стихи не нравятся?

МАСТЕР. Ужасно не нравятся.

БЕЗДОМНЫЙ. А вы какие читали?

МАСТЕР *(нервно)*. Никаких я ваших стихов не читал!

БЕЗДОМНЫЙ. А как же вы говорите?

МАСТЕР. Ну что же тут такого? Как будто я других не читал. Впрочем... Я готов принять на веру. Хороши ваши стихи, сами скажите?

БЕЗДОМНЫЙ *(смело и откровенно)*. Чудовищны!

МАСТЕР *(умоляюще)*. Не пишите больше!

БЕЗДОМНЫЙ *(торжественно)*. Обещаю и клянусь!

Пожимают друг другу руки. Чьи-то шаги.

МАСТЕР. Тсс! *(Прячется.)*

ФЕЛЬДШЕРИЦА *(заходя)*. Как себя чувствуете?

БЕЗДОМНЫЙ. Хорошо. Спасибо.

ФЕЛЬДШЕРИЦА. Как будете спать, в темноте или со светом?

БЕЗДОМНЫЙ. Слушайте, оставьте, пожалуйста, свет.

ФЕЛЬДШЕРИЦА. Спокойной ночи!

Уходит. Возвращается Мастер.

МАСТЕР *(шепотом)*. Итак, из-за чего же вы попали сюда?

БЕЗДОМНЫЙ *(хмуро)*. Из-за Понтия Пилата...

МАСТЕР *(вскрикивает)*. Как?! *(Зажимает себе рот.)* Потрясающее совпадение! Умоляю, расскажите!

БЕЗДОМНЫЙ *(манит его к себе, шепотом рассказывает)*.

МАСТЕР *(восторженно)*. Ну, ну, дальше, умоляю вас!

БЕЗДОМНЫЙ *(что-то шепчет)*.

МАСТЕР. В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана...

КАЗНЬ

Палачи распинают осужденных. Человек в капюшоне. Крысобою прохаживается. Палач разминает мышцы.

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ *(мечется по просцениуму)*. О, я глупец... Глупец, неразумная женщина, трус! *(Рвет одежду, царапает*

грудь.) Падаешь я, а не человек! Бегут минуты. И я, Левий Матвей, нахожусь на Лысой горе, а смерти все нет. *(Пауза.)* Бог! За что гневаешься на него? Пошли ему смерть. *(Вскрикивает.)* Ведь мог, мог я его убить! Один удар ножом и: „Иешуа! Я спасаю тебя и ухожу вместе с тобой! Я, Матвей, твой верный и единственный ученик!” А ведь и сам я мог заколоться и тоже избежать смерти на столбе. *(Озлобленно.)* Проклинаю тебя, бог! Ты глух! Если бы ты не был глухим, ты услышал бы меня и убил его тут же! *(Трудно дышит, словно ждет, что с неба упадет огонь и испепелит его. Громко, хрипло.)* Я ошибался! Проклинаю тебя, бог разбойников! Ты бог зла!

Замолкает, смотрит на солдат, на казненных. Какой-то новый человек подходит к человеку в капюшоне, что-то говорит ему, тот подзывает Крысобоя, отдает ему приказание. Крысобой передает приказание палачам. Один из палачей берет копьё, второй – ведро и губку. Подходят к Га-Ноцри.

РАЗБОЙНИКИ. Пи-ить... Пи-ить...

Палач проводит копьём по животу Иешуа, тот поднимает голову.

ПИЛАТ. Дайте ему пить.

ПАЛАЧ. Га-Ноцри!

ИЕШУА *(хриплым, разбойничьим голосом).* Чего тебе? Зачем подошел ко мне?

ПАЛАЧ *(протягивает на копьё пропитанную водой губку).*

Пей! (Иешуа жадно припадает губами к губке.)

ДИСМАС. Несправедливость! Я такой же разбойник, как и он!

КРЫСОБОЙ. Молчать на втором столбе!

ИЕШУА *(оторвавшись от губки).* Дай попить ему. *(Палач снимает губку с копьё.)*

ПАЛАЧ *(торжественно).* Славь великодушного игемона!

Закалывает Иешуа. На сцене темнеет. Хорал. Палачи поспешно убивают разбойников.

ЧЕЛОВЕК В КАПЮШОНЕ (*обходя убитых*). **Мертв. Мертв. Мертв.**

Плач женщин.

Затемнение.

АКТ ВТОРОЙ

ВАРЬЕТЕ

ПИЛАТ (*тоскливо зовет*). Банга! Банга!

Мимо обалдевшего конферансье пробегает собака Пилата.

БЕНГАЛЬСКИЙ. Итак, граждане, сейчас перед вами выступит знаменитый иностранный артист м-сье Воланд с сеансом черной магии. Ну, мы-то с вами понимаем, что никакая это не магия, а просто м-сье Воланд в высокой степени владеет техникой фокуса. А так как мы все как один за технику и за ее разоблачение, то попросим господина Воланда!

Чарльстон. Гелла, Коровьев. Номер на рояле.

ВОЛАНД. Кресло мне! (*Коровьеву.*) Скажи мне, любезный Фагот, как по-твоему, ведь московское народонаселение значительно изменилось?

КОРОВЬЕВ. Точно так, мессир.

ВОЛАНД. Ты прав. Горожане сильно изменились... Внешне, я говорю... Как и сам город, впрочем... О костюмах нечего уж и говорить, но появились эти... как их... трамваи, автомобили...

КОРОВЬЕВ. Автобусы...

БЕНГАЛЬСКИЙ. Иностраннный артист выражает свое восхищение Москвой, выросшей в техническом отношении, а также и, браво, браво! москвичами!

ВОЛАНД. Разве я выразил восхищение?

КОРОВЬЕВ. Нет, мессир, вы никакого восхищения не выражали.

ВОЛАНД. Так что же говорит этот человек?

КОРОВЬЕВ. А он попросту соврал!

ВОЛАНД. Но меня, конечно, не столько интересуют автобусы, телефоны и прочая...

КОРОВЬЕВ. Аппаратура...

ВОЛАНД. Совершенно верно, благодарю. Сколько гораздо более важный вопрос: изменились ли граждане внутренне?

КОРОВЬЕВ. Да, это важнейший вопрос, мессир.

ВОЛАНД. Однако, мы заговорились, дорогой Фагот, а публика начинает скучать. Покажи кам для начала что-нибудь простенькое.

Коровьев и Бегемот показывают фокусы с колодой карт.

КОРОВЬЕВ. Колода эта таперича находится в седьмом ряду у гражданина Парчевского, как раз между трехрублевкой и повесткой в суд по делу об плате алиментов гражданке Зельковой! *(В партере гражданин достает из кармана колоду.)*

Пусть она останется у вас на память! Недаром же вы говорили, что, кабы не покер, то жизнь ваша в Москве была бы совершенно несносной.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК В ЗАЛЕ. Верно, у него! Тут, тут!.. Стой, да это червонцы! Ей-богу, настоящие! Червонцы! Сыграйте и со мной в такую колоду.

КОРОВЬЕВ. Авек плезир! Но почему же с вами одним? Раз,

два, три! Граждане, проверьте ваши сумочки и портмоне! Надеюсь, червонцы при вас имеются!

Сверху в публику летят талоны.

КОРОВЬЕВ. А по этим талонам, которые с печатью, вы можете приобрести в кассе билеты на наши последующие представления.

БЕНГАЛЬСКИЙ. Граждане, мы с вами видим сейчас случай так называемого массового гипноза. Эти талоны недействительны.

КОРОВЬЕВ. А сейчас, граждане, мы видели случай так называемого массового вранья. Талоны настоящие.

АДМИНИСТРАТОР. Граждане, я администратор этого театра. Заверяю, что талоны с печатью настоящие.

КОРОВЬЕВ. А этот (*показывает на Бенгальского*) мне надоел. Суется, куда не просят, ложными замечаниями портит сеанс. Что бы такое с ним сделать?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Голову ему оторвать!

КОРОВЬЕВ. Как вы говорите? Ась? Это идея! Бегемот!.. Эйн, цвей, дрей!

Бегемот бросается на Бенгальского, отрывает ему голову, отдает ее Коровьеву.

ГОЛОВА. Доктора!!!

КОРОВЬЕВ. Ты будешь в дальнейшем молоть всякую чушь?

ГОЛОВА. Не буду больше.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Перестаньте мучить человека!

КОРОВЬЕВ. Так что, граждане, простить его?

ГОЛОСА. Перестаньте! Положите голову на место!

КОРОВЬЕВ (*Воланду*). Как прикажете, мессир?

ВОЛАНД. Ну что же, они люди как люди... и милосердие иногда стучится в их сердца... Любят деньги, но ведь это всегда бывало... Обыкновенные люди... В общем, напоминают прежних, квартирный вопрос только их испортил. Наденьте голову!..

Коровьев передает голову Бегемоту, тот надевает голову Бенгальскому.

БЕНГАЛЬСКИЙ. Голова, моя голова! Голову отдайте... Квартиру возьмите, картины возьмите, только голову отдайте!

ЛИХОДЕЕВ. Я не пьян, я болен, скажите, какой это город?

КОРОВЬЕВ. Ну, Ялта. Катитесь отсюда, без вас веселей! Таперича, когда этих надоедал сплавили, давайте откроем дамский магазин! Фирма совершенно бесплатно обменивает старые дамские платья и обувь на парижские модели! А также сумочки и все прочее...

ГЕЛЛА. Герлэн, Шанель, Мисуко, Шанель номер пять, вечерние платья, платья коктейль...

КОРОВЬЕВ. Прошу, без всякого стеснения и церемоний!

На сцену потоком пошли дамы. Среди них оказывается один мужчина.

МУЖЧИНА (*Коровьеву*). Дело такое, что у моей супруги грипп... А в доказательство того, что я женат, прошу взглянуть в паспорт...

КОРОВЬЕВ. Верю, верю, как самому себе и без паспорта...

БРЮНЕТКА (*примеряет туфли*). А они не будут жать?

КОРОВЬЕВ. Что вы, что вы!

БЕГЕМОТ. Мяу!

БРЮНЕТКА. Я беру эту пару, м-сье!

ГЕЛЛА. Герлэн, Шанель...

КОРОВЬЕВ (*протягивает брюнетке футляр с флаконом*).

Фирма просит вас принять это на память!

БРЮНЕТКА. Мерси! (*Идет на свое место.*)

Со сцены бегут счастливые женщины в бальных платьях.

КОРОВЬЕВ. За поздним временем магазин закрывается!

СЕМПЛЕЯРОВ (*из зала*). Минутку! Все-таки желательно, гражданин артист, чтобы вы незамедлительно разоблачили

бы перед зрителями технику ваших фокусов. Желательно также и возвращение конферансье на сцену. Судьба его волнует зрителей.

КОРОВЬЕВ. Пардон! Я извиняюсь, здесь разоблачать нечего!

СЕМПЛЕЯРОВ. Нет, виноват! Иначе ваши блестящие номера оставят тягостное впечатление. Зрительская масса требует разоблачения.

КОРОВЬЕВ. Зрительная масса как будто ничего не заявляла. Но, принимая во внимание ваше глубокое желание, гражданин Семплеяров, как председателя Акустической комиссии московских театров, я – так и быть – произведу разоблачение. Но для этого – разрешите еще один крохотный номерок?

СЕМПЛЕЯРОВ. Отчего же, но только обязательно с разоблачением.

КОРОВЬЕВ. Слушаюсь, слушаюсь... Итак, где вы были вчера вечером, Аркадий Аполлонович?

СУПРУГА СЕМПЛЕЯРОВА. Аркадий Аполлонович вчера вечером был на заседании Акустической комиссии, но я не понимаю, какое это имеет отношение к магии... черной?

КОРОВЬЕВ. Уй, мадам! Естественно, вы не понимаете. Насчет же заседания: вы в полном заблуждении. Выехав на упомянутое заседание, каковое, к слову говоря, и назначено-то вчера не было, Аркадий Аполлонович отпустил своего шофера на Чистых Прудах, а сам в автобусе поехал на Елоховскую улицу в гости к артистке Милице Андреевне Покобатько и провел у нее в гостях около четырех часов...

ГОЛОС В ЗАЛЕ. Ой!

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА (*рядом с супругами Семплеяровыми*). Все понятно! Теперь мне ясно, почему эта бездарность получила роль Луизы! (*Бьет Семплеярова зонтиком по голове.*)

СУПРУГА СЕМПЛЕЯРОВА. Мерзавка! Да как ты смела коснуться Аркадия Аполлоновича?!

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. А вот смела! Я-то, как раз, смела!

СУПРУГА СЕМПЛЕЯРОВА. Милиция! Взять ее!!!

КОРОВЬЕВ. Вот, почтенные граждане, один из случаев разоб-

лечения, которого так добивался Аркадий Аполлонович!
Кто-нибудь желает еще? Вы? Вы?
БЕГЕМОТ. Сеанс окончен. Маэстро, врежьте марш!

Звучит марш. Вся компания Воланда поет:

*Его превосходительство
Любил домашних птиц
И брал под покровительство
Хорошеньких девиц!*

Затемнение. Хохот, бешеный крик. На сцену выскакивают раздетые женщины, бегут через зал. Трели милицейских свистков, гогот, женский визг.

РИМСКИЙ. Я так и знал! В белье женщины... о, Господи!..
АВТОР. Наставала пора действовать, приходилось пить горькую чашу ответственности. Надо было звонить.

Римский два раза кладет руку на телефон и два раза ее убирает. Звонок. Римский поднимает трубку.

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Не звони, Римский, никуда, худо будет...

Римский отдергивает руку от трубки. Неслышно появляется Варенуха. Римский почти вскрикивает, хватается за сердце.

РИМСКИЙ (*узнавая Варенуху*). Боже, как ты меня напугал! Ну говори же скорее. Что означает вся эта петрушка с Ялтой?
ВАРЕНУХА. Ну то, что я и говорил. Нашли его в трактире в Пушкине.

РИМСКИЙ. Как? Это под Москвой? А телеграмма из Ялты?
ВАРЕНУХА. Какая там, к черту, Ялта?! Напоил пушкинского телеграфиста, и начали оба безобразничать, в том числе посылать телеграммы с пометкой „Ялта“.

РИМСКИЙ. Ладно... Ага... Ладно... (*Стукнув по столу.*) Подробности!

ВАРЕНУХА. Ну, явился я, куда ты меня направил, меня немедленно приняли и выслушали внимательнейшим образом. Все сейчас же согласились, что Лиходеев, конечно, в „пушкинской” „Ялте”.

РИМСКИЙ. Где же он сейчас?

ВАРЕНУХА. Естественно, в вырезвители!

РИМСКИЙ. Ну, ну! Ай, спасибо.

ВАРЕНУХА. Ну, плясали они в обнимку с телеграфистом за гражданками гонялись, подрались в „Ялте” с буфетчиком... Одолели...

АВТОР. Скоро, очень скоро понял Римский, что все, рассказанное администратором — ложь. Ложь от первого до последнего слова! И сознание опасности, неизвестной, но грозной опасности, начало томить душу Римского.

ВАРЕНУХА. Словом, темный ужас! Ну, одолели, погрузили в машину.

РИМСКИЙ (*глухо*). Что у тебя на лице?

ВАРЕНУХА. Машину занесло, ударился...

АВТОР. „Лжет! — подумал Римский. — Он не отбрасывает тени!”

ВАРЕНУХА. Догадался, проклятый! Всегда был смышлен!

РИМСКИЙ. Помогите!

АВТОР. Укатил, укатил бедный старик, за одну ночь поседевший, в Ленинград, чтобы скрыться там и требовать себе отдельной бронированной камеры.

ПСИХБОЛЬНИЦА

МАСТЕР. Несчастный поэт! Но вы сами, голубчик, виноваты. Нельзя было держать себя с ним столь развязно. Хорошо, что все обошлось сравнительно дешево.

БЕЗДОМНЫЙ. Да кто же он такой?

МАСТЕР. А вы не впадете в беспокойство? Вызова врача, уколов и прочей возни не будет?

БЕЗДОМНЫЙ. Нет, нет! Скажите, кто он такой?

МАСТЕР. Вчера на Патриарших Прудах вы встретились с Сатаной.

БЕЗДОМНЫЙ. Не может этого быть! Его не существует!

МАСТЕР. Помилуйте! Сидите, как сами понимаете, в психиатрической лечебнице, а все толкуете, что его нет! Право, странно. Лишь только вы начали описывать, я уже стал догадываться, с кем вы имели удовольствие беседовать. И право, я удивляюсь Берлиозу. Хотя Воланд может запорошить глаза человеку и похитрее.

БЕЗДОМНЫЙ. Как?

МАСТЕР. Тише!

БЕЗДОМНЫЙ. Понимаю, понимаю! У него буква „В” была на визитной карточке. Так он, стало быть, мог быть у Понтия Пилата? Ведь он уже тогда родился?.. А меня-то сумасшедшим называют!

МАСТЕР. Будем смотреть правде в глаза. И вы, и я — сумасшедшие. Видите ли, он вас потряс и вы свихнулись. Но все это было в действительности.

БЕЗДОМНЫЙ. Да ведь он тут черт знает что натворит! Его изловить надо!

МАСТЕР. Вы уже попробовали, и будет с вас. *(В зал.)* Другим тоже пробовать не советую. А что натворит — это будьте благонадежны! Ах, до чего мне досадно, что встретились с ним вы, а не я!

БЕЗДОМНЫЙ. А зачем он вам понадобился?

МАСТЕР. Видите ли, я сижу здесь из-за того же, что и вы, из-за Понтия Пилата.

БЕЗДОМНЫЙ. Как?

МАСТЕР. Дело в том, что год назад я написал о Пилате роман.

БЕЗДОМНЫЙ. Вы — писатель?

МАСТЕР. Я — мастер. *(Вынимает из кармана шапочку, надевает ее.)* Она своими руками сшила мне ее.

БЕЗДОМНЫЙ. А как ваша фамилия?

МАСТЕР. У меня нет больше фамилии. Я отказался от нее, забудем о ней.

БЕЗДОМНЫЙ. Так. Хоть про роман-то скажите.

МАСТЕР. Извольте-с. Жизнь моя сложилась не совсем обыкновенно. Я работал в одном из московских музеев, а кроме того занимался переводами.

БЕЗДОМНЫЙ. С какого языка?

МАСТЕР. Я знаю пять языков, кроме родного.

БЕЗДОМНЫЙ. Ишь ты!

МАСТЕР. И, представьте, однажды выиграл сто тысяч рублей!

БЕЗДОМНЫЙ. Сто?

МАСТЕР. Сто. Облигацию мне в музее вручали... Я купил книгу, бросил свою квартиру на Мясницкой — ууу, проклятая дыра! — и нанял у застройщика, в переулке близ Арбата, две комнаты в подвале маленького домика в садике. Ах, это был золотой век! Ах, какая у меня была обстановка! Книжки, книжки и печка! Необыкновенно пахла сирень! И голова моя становилась легкой и Пилат летел к концу...

БЕЗДОМНЫЙ (*поет революционную песню*). Белая гвардия, черный барон, снова готовят нам царский трон...

МАСТЕР. Да... Что-то в этом духе... Ну, естественно, я выходил гулять. Сто тысяч — громадная сумма, и у меня был прекрасный костюм... Она несла в руках отвратительные, тревожно желтые цветы. Нехороший цвет! Она повернула с Тверской в переулок и тут оглянулась. Ручаюсь, увидела она меня одного. И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в ее глазах. Повинуясь этому тревожному знаку, я тоже свернул в переулок и пошел по ее следам.

БЕЗДОМНЫЙ. Дальше! И не пропускайте, пожалуйста, ничего!

МАСТЕР. Дальше вы могли бы и сами угадать. Любовь выскочила перед нами, как выскакивает убийца в переулке из-под земли, и поразила нас обоих. И скоро, скоро эта женщина стала моею тайною женой. Никто не знал о нашей связи, хотя так никогда не бывает. Не знал ее муж, не знали знакомые...

БЕЗДОМНЫЙ. А кто она такая?

МАСТЕР. Когда пришло душное лето, в комнате появились любимые наши розы. Я лихорадочно работал над романом, и

этот роман, казалось, поглотил и ее. Право, временами, я начинал ревновать ее к нему. Роман был дописан в августе, и я вышел в жизнь, держа его в руках. И тогда моя жизнь кончилась. Я впервые попал в мир литературы.

Через сцену проходит группа тихо поющих людей во главе с Коровьевым:

*Долго я тяжкие цепи носил,
Долго скитался в горах Акагуя,
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почувя...*

МАСТЕР. Да, чрезвычайно поразил меня мир литературы.

Заседание группы литераторов.

ПЕРВЫЙ ЛИТЕРАТОР. Не надо, товарищи, завидовать. Дач всего двадцать две, и строится еще только семь, а нас в МАС-СОЛИТе три тысячи человек.

ВТОРОЙ ЛИТЕРАТОР. Три тысячи сто одиннадцать.

ПЕРВЫЙ ЛИТЕРАТОР. Ну вот видите... Что же делать? Естественно, что дачи получили наиболее талантливые из нас...

ТРЕТИЙ ЛИТЕРАТОР. Генералы!.. *(Один из литераторов отходит в сторону.)*

КАРАУЛИНА. Я детская писательница! Я — Караулина! Я написала тринадцать детских пьес! И я мать троих детей. А меня в этом списке нет! Мать...

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛИТЕРАТОР *(кивая вслед ушедшему)*. Один в пяти комнатах в Перельгине...

ВТОРОЙ ЛИТЕРАТОР. Лаврович один в шести, и столовая дубом обшита!

ТРЕТИЙ ЛИТЕРАТОР. А Берлиоз? То-то!

Литераторы увозят стол с покойником.

МАСТЕР. А редактор! Он смотрел на меня так, как будто у меня щека была раздута флюсом, косился в угол и даже

skonфуженно хихикал. Я спросил напрямик, будет он печатать роман или не будет. Тут он заявил, что самостоятельно вопрос решить не может, что с романом должны ознакомиться другие члены редколлегии, а именно: Латунский, Ариман, Мстислав Лаврович и другие. Он просил прийти через две недели. Я пришел.

ДЕВИЦА (*Гелла*). Вопрос о напечатании вашего романа отпадает.

Руки с газетами.

ГОЛОСА: „Литературная газета“! Критик Ариман предупреждает о попытке протащить в печать апологию Иисуса Христа! Мстислав Лаврович предлагает крепко ударить по Пилатчине! Латунский: „Нет! – воинствующему старообрядцу“!

МАСТЕР. Что-то на редкость фальшивое и неуверенное чувствовалось в этих статьях.

МАРГАРИТА (*у себя*). Я отравлю Латунского! Отравлю!

МАСТЕР. Чудовищная неудача с романом как бы вынула у меня часть души. В это время что-то случилось со мной. Именно, нашла на меня тоска и появились какие-то предчувствия. В одну из страшных ночей я сжег свой роман. Моя возлюбленная успела спасти лишь отдельные листы... В ту страшную ночь она сказала, что придет ко мне совсем, она только хотела предупредить мужа. „Не бойся, потерпи несколько часов. Утром я буду у тебя“, – сказала она, и это были ее последние слова в моей жизни.

МАРГАРИТА. Я опоздала, опоздала!..

МАСТЕР. Тсссс... Беспокойная сегодня лунная ночь...

Замирают. Мимо проходит Бенгальский.

БЕНГАЛЬСКИЙ. Отдайте мою голову, голову отдайте... Квартиру возьмите, картины возьмите, голову отдайте...

Мимо проходит Лиходеев.

ЛИХОДЕЕВ. Какой это город? Что-то случилось с моей головой...

МАСТЕР. Еще один, потерявший голову... Через четверть часа, как она покинула меня, ко мне постучали... И деваться мне было некуда. Я добрался сюда...

БЕЗДОМНЫЙ. Но вы же могли дать знать ей.

МАСТЕР. Вы, очевидно, не понимаете меня. Перед нею легко бы письмо из сумасшедшего дома. Разве можно писать письма, имея такой адрес?.. Душевнобольной... Сумасшедший... Нет, нет, на это я не способен. Впрочем, у меня есть надежда, что она забыла меня...

БЕЗДОМНЫЙ. Ну, вы, может быть, еще и выздоровеете...

МАСТЕР. Я неизлечим. Не надо задаваться большими планами, дорогой сосед. Я вижу только незначительный кусочек земного шара. Думаю, что не самое лучшее, что есть на нем, но это не так уж худо. Ключи расширили мой кругозор. По ночам будет луна. Свежеет... Ночь валится за полночь. Мне пора.

БЕЗДОМНЫЙ. Скажите, а что дальше было с Иешуа и Пилатом?

МАСТЕР. Нет, нет. Я вспомнить не могу без дрожи мой роман. А ваш знакомый с Патриарших Прудов сделал бы это лучше меня.

Уходит в свое окно.

ПИЛАТ И ИЕШУА

ПИЛАТ. Но ты скажи: казни не было? Молю тебя, скажи, не было?

ИЕШУА. Ну, конечно, не было. Это тебе померещилось. Мы теперь всегда будем вместе, Пилат. Помянут меня, помянут и тебя.

МАРГАРИТА

Маргарита в окне. Приближающийся похоронный марш.

МАРГАРИТА. Да, да, та же самая ошибка! Опоздала, опоздала! Да, я вернулась, как несчастный Левий Матвей, слишком поздно! Я верую! Я верую, что-то произойдет! Не может не произойти! За что же мне, в самом деле, послана пожизненная мука? Я лгала, я обманывала и жила тайной жизнью, но все же нельзя наказывать так жестоко... Что-то случится непременно, потому что нельзя, не бывает, чтобы что-то тянулось вечно...

МАСТЕР. Бедная моя, бедная...

МАРГАРИТА. ...Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город...

МАСТЕР. Пропал Ершалаим – великий город, как будто не существовал на свете...

МАРГАРИТА. Почему не даешь знать о себе? Ты разлюбил меня? Я этому не верю! Значит, ты умер?.. Тогда прошу тебя, отпусти, дай мне свободу жить! Ты говоришь: „Свободна...” Нет, это не ответ. Ты уйди из моей памяти, тогда я стану свободна... *(Смотрит на похоронную процессию.)* Какие странные похороны...

АВТОР. Бумс, бумс, бумс, грустно звучали тарелки...

МАРГАРИТА. И какая тоска от этого „бумса”... Ах, право, дьяволу я бы заложила душу, чтобы только узнать, жив он или нет!..

Появляется Азazelло, она его не замечает.

МАРГАРИТА. Интересно знать, кого это хоронят?

АЗАЗЕЛЛО. Берлиоза Михаила Александровича, председателя МАССОЛИТА... Да, удивительное у них настроение. Везут покойника, а думают только о том, куда девалась его голова.

МАРГАРИТА. Какая голова?

АЗАЗЕЛЛО. Да, изволите ли видеть, сегодня утром в грибовском зале у покойника голову стащили из гроба.

МАРГАРИТА. Как же это может быть?

АЗАЗЕЛЛО. Черт его знает, как! Я, впрочем, полагаю, что об этом Бегемота не худо бы спросить. До ужаса ловко сперли! Такой скандалище!.. И, главное, непонятно, кому и на что она нужна, эта голова!

МАРГАРИТА. Позвольте, какого Берлиоза? Это, что в газетах сегодня?..

АЗАЗЕЛЛО. Как же, как же...

МАРГАРИТА. Так, стало быть, это литераторы за гробом идут?

АЗАЗЕЛЛО. Ну, натурально, они!

МАРГАРИТА. А вы их знаете в лицо?

АЗАЗЕЛЛО. Всех, до единого.

МАРГАРИТА. Скажите, среди них нет критика Латунского?

АЗАЗЕЛЛО. Как же его может не быть? Вот он с краю в четвертом ряду.

МАРГАРИТА. Это блондин-то?

АЗАЗЕЛЛО. Он самый... А вы, как я вижу, ненавидите этого Латунского?

МАРГАРИТА. Я еще кое-кого ненавижу, но об этом неинтересно говорить

АЗАЗЕЛЛО. Да уж, конечно, чего тут интересного, Маргарита Николаевна.

МАРГАРИТА. Вы меня знаете?

Аزازелло снимает котелок, раскланивается. Процессия проходит.

МАРГАРИТА. Совершенно разбойничья рожа... Я вас не знаю...

АЗАЗЕЛЛО. Да откуда же вам меня знать? А между тем я к вам послан по дельцу...

МАРГАРИТА. С этого прямо и надо было начинать, а не молоть всякую чепуху про отрезанную голову! Вы меня хотите арестовать?

АЗАЗЕЛЛО. Ничего подобного! Что такое: раз заговорил, так уж непременно арестовать! Просто есть к вам дело.

МАРГАРИТА. Ничего не понимаю, какое дело?

АЗАЗЕЛЛО. Меня прислали пригласить вас сегодня вечером в гости.

МАРГАРИТА. Что вы бредите? Какие гости?

АЗАЗЕЛЛО. К одному очень знатному иностранцу.

МАРГАРИТА. Новая порода появилась — уличный сводник!

АЗАЗЕЛЛО. Дура!

МАРГАРИТА. Мерзавец!

АЗАЗЕЛЛО. „Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город... Пропал Ершалаим...” Так пропадите же и вы пропадом... Умоляйте, чтобы отпустил бы он вас на свободу, ушел бы из памяти...

МАРГАРИТА. Я ничего не понимаю! Можно многое узнать, подсмотреть, но узнать мои мысли!.. Скажите, кто вы такой? Из какого учреждения?

АЗАЗЕЛЛО. Вот скука-то... Простите, я ведь сказал вам, что ни из какого я не из учреждения.

МАРГАРИТА. Кто вы такой?

АЗАЗЕЛЛО. Ну, хорошо, зовут меня Азазелло, но не все ли вам равно?

МАРГАРИТА. Вы что-нибудь знаете о нем?

АЗАЗЕЛЛО. Ну, скажем, знаю.

МАРГАРИТА. Он жив?.. Не мучьте.

АЗАЗЕЛЛО. Ну, жив, жив.

МАРГАРИТА. Боже!

АЗАЗЕЛЛО. Пожалуйста, без волнений и вот этих вскрикиваний!

МАРГАРИТА. Простите, простите, я, конечно, рассердилась на вас. Но согласитесь, когда на улице приглашают женщину куда-то в гости... Кроме того, мой муж... Моя драма в том, что я живу с тем, кого не люблю... но портить ему жизнь считаю делом недостойным... я от него не видела ничего, кроме добра.

АЗАЗЕЛЛО. Попрошу вас минуточку помолчать. Я приглашаю вас к иностранцу совершенно безопасному. И ни одна душа не будет знать об этом посещении. Вот уж за это я вам ручаюсь.

МАРГАРИТА. Понимаю... Я должна ему отдаться?

АЗАЗЕЛЛО. Любая женщина в мире мечтала бы об этом, но я вас разочарую: этого не будет...

МАРГАРИТА. Что за иностранец такой?! И какой мне интерес идти к нему?

АЗАЗЕЛЛО. Ну, интерес-то большой... Вы воспользуетесь случаем...

МАРГАРИТА. Что? Если я вас правильно понимаю, вы намекаете, что я там могу узнать... о нем? *(Азазелло кивает.)* Еду! Еду куда угодно!

АЗАЗЕЛЛО *(протягивает ей коробочку)*. Тогда потрудитесь получить. Да прячьте же! Она вам пригодится, Маргарита Николаевна, вы порядочно постарели от горя за последние полгода. Сегодня вечером, ровно в половине десятого, потрудитесь, раздевшись догола, натереть этой мазью лицо и все тело. Дальше делайте что хотите, но не отходите от телефона. В десять я вам позвоню и все, что нужно, скажу. Понятно?

МАРГАРИТА. Понятно. Это вещь из чистого золота, и я прекрасно понимаю, что меня подкупают и тянут в какую-то темную историю, за которую я очень пошпачусь...

АЗАЗЕЛЛО. Это что такое? Вы опять?..

МАРГАРИТА. Нет, погодите! Я знаю, на что иду! Но иду на все из-за него. И если вы меня погубите, вам будет стыдно! Да, стыдно! Я погибаю из-за любви.

АЗАЗЕЛЛО. Отдайте обратно! Отдайте обратно, и к черту все это! Пусть посылают Бегемота, он обаятельней.

МАРГАРИТА. О, нет! Согласна на все! Согласна проделать эту комедию с натиранием мазью, согласна идти к черту на кулички! Не отдам!

АЗАЗЕЛЛО. Ба! *(Показывает пальцем в сторону. Маргарита оборачивается. Азазелло исчезает.)*

СОКОВ

Квартира № 50.

ВОЛАНД. Ну-с, чем я могу быть вам полезен?

СОКОВ. Я являюсь заведующим буфетом театра Варьете.

ВОЛАНД. Нет, нет, нет, ни слова больше! Ни в каком случае и никогда! В рот ничего не возьму в вашем буфете. Я, почтеннейший, проходил вчера мимо вашей стойки и до сих пор не могу забыть ни вашей осетрины, ни вашей брынзы! Драгоценный мой! Брынза не бывает зеленого цвета, это вас кто-то обманул. Ей полагается быть белой! Да, а чай? Ведь это же помой! Нет, милейший, так невозможно!

СОКОВ. Я не по этому делу, и осетрина здесь ни при чем...

ВОЛАНД. То есть как это ни при чем, если она испорчена?

СОКОВ. Осетрину завезли второй свежести.

ВОЛАНД. Голубчик, это вздор!

СОКОВ. Чего вздор?

ВОЛАНД. Вторая свежесть — вот что вздор! Свежесть бывает только одна — первая, она же и последняя. А если осетрина второй свежести, то это означает, что она тухлая...

СОКОВ. Я извиняюсь...

ВОЛАНД. Извинить не могу.

СОКОВ. Я не по тому делу пришел.

ВОЛАНД. Не по этому? А какое же еще дело могло привести вас ко мне? Впрочем, я рад! Аزازелло! Табурет господину заведующему буфетом!

СОКОВ. Покорнейше благодарю.

Соков опускается на табурет, тот ломается, буфетчик падает на пол, опрокидывает на себя стакан с чаем.

ВОЛАНД. Ай, не ушиблись ли вы? Может, вы, господин заведующий буфетом, снимете штаны и просушите их?

СОКОВ. Нет-с, не надо, нет-с. *(Садится на другой табурет, подвинутый ему Аزازелло.)* А вы?

ВОЛАНД. Я люблю сидеть низко, с низкого не так опасно падать. Да, итак, мы остановились на осетрине. Голубчик мой, свежесть, свежесть и свежесть — вот что должно быть девизом каждого буфетчика. Да вот не угодно ли отведать?

Гелла выдвигает стол, полный яств и вин.

СОКОВ. Покорнейше... Я...

ВОЛАНД. Нет, нет, попробуйте! Чашу вина! Белое, красное? Вино какой страны вы предпочитаете в это время дня?

СОКОВ. Покорнейше... Я не пью...

ВОЛАНД. Напрасно! Так не прикажете ли партию в кости? Или вы любите другие какие-нибудь игры? Домино? Карты?

СОКОВ. Не играю...

ВОЛАНД. Совсем худо. Что-то, воля ваша, недоброе таится в мужчинах, избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, застольной беседы. Такие люди или тяжело больны, или втайне ненавидят окружающих. Правда, возможны исключения: среди людей, садившихся со мной за пиршественный стол, попадались иногда удивительные подлецы... Итак, я слушаю ваше дело.

СОКОВ. Вчера вы изволили фокусы делать...

ВОЛАНД. Я? Помилосердствуйте! Мне это даже как-то не к лицу.

СОКОВ. Виноват, да ведь... сеанс черной магии...

ВОЛАНД. Ах, ну да, ну да! Дорогой мой, я вам открою тайну. Я вовсе не артист, а просто мне хотелось повидать москвичей в массе; а удобнее всего это было сделать в театре. Ну вот, моя свита и устроила этот сеанс, я же лишь сидел и смотрел на москвичей. Но не меняйтесь в лице, а скажите, что же, в связи с этим сеансом, привело вас ко мне?

СОКОВ. Изволите ли видеть, вчера пошутили, что червонцы слетали с потолка. Ну, их все и похватали. И вот заходит ко мне в буфет молодой человек, дает червонец, я — сдачи восемь с полтиной... Потом другой...

ВОЛАНД. Тоже молодой человек?

СОКОВ. Нет, пожилой. Третий, четвертый... Я все сдаю сдачу. А сегодня стал проверять кассу, а вместо денег — резаная бумага. На сто девять рублей наказали буфет.

ВОЛАНД. Ай, ай, ай! Да неужели же они думали, что это настоящие бумажки? Я не допускаю мысли, чтобы они это сделали сознательно. Неужели мошенники? Неужели среди москвичей есть мошенники?

АВТОР. Кривая улыбка буфетчика отмела сомнения: да, среди москвичей есть мошенники.

ВОЛАНД. Вы человек бедный? *(Соков втягивает голову в плечи, так что сразу видно, что он человек бедный.)* У вас сколько сбережений?

КОРОВЬЕВ. Двести сорок девять тысяч рублей в пяти сберкассах. И дома, под полом, двести золотых десятков.

ВОЛАНД. Ну, конечно, это не сумма, хотя, впрочем, и она вам не нужна. Вы когда умрете?

СОКОВ. Это никому не известно и никого не касается.

КОРОВЬЕВ. Ну да, не известно! Подумаешь, бином Ньютона! Умрет он через девять месяцев, в феврале будущего года, от рака печени в клинике МГУ, в четвертой палате.

ВОЛАНД. Девять месяцев... Двести сорок девять тысяч... Это выходит круглым счетом двадцать семь тысяч в месяц... маловато, но при скромной жизни хватит... Да еще десятки...

КОРОВЬЕВ. Десятки реализовать не удастся. По смерти Андрея Фомича дом немедленно сломают, и десятки будут отправлены в Госбанк.

ВОЛАНД. Да я и не советовал бы вам ложиться в клинику. Какой смысл умирать в палате под стон и хрипы безнадежных больных? Не лучше ли устроить пир на эти двадцать семь тысяч и принять яд, переселиться в другой мир под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями? Впрочем, мы замечались. К делу! Покажите вашу резаную бумагу.

Соков вынимает из кармана пачку — это червонцы.

АВТОР. Что же это с памятью, граждане?

ВОЛАНД. Дорогой мой, вы действительно нездоровы...

СОКОВ. А... а если они опять... обратно... того?..

ВОЛАНД. Гм... Ну, тогда приходите к нам опять. Милости просим. Очень рад нашему знакомству.

КОРОВЬЕВ *(трясет руку буфетчику)*. Всем, всем прошу передать поклоны! Всем, всем поклоны...

Маргарита на маятнике.

МАРГАРИТА. Ай да крем! Ай да крем! Наташа! Наташа!

Прибегает Наташа.

МАРГАРИТА. Что? Хороша?

НАТАША. Как же это? Как вы это делаете, Маргарита Николаевна?

МАРГАРИТА. Это крем! Крем! Крем!

НАТАША. Атласная! Светится! Атласная! А брови-то, брови!

МАРГАРИТА. Наташа, берите все тряпки, берите и волоките к себе в сундук, спрячьте! Но драгоценности не берите, а то вас в краже обвинят.

Наташа убегает. Появляется Николай Иванович.

МАРГАРИТА. Добрый вечер! Вы с заседания? А я сижу одна, скучаю, слушаю музыку... Это невежливо, Николай Иванович! Все-таки я дама, в конце концов! Ведь это хамство не отвечать, когда с вами дама разговаривает. Ах, какой вы скучный тип, Николай Иванович!

Николай Иванович уходит.

МАРГАРИТА. Сейчас позвонит Азazelло! Он позвонит! А иностранец безопасен, да, теперь я понимаю, он безопасен!

Верхом на Николае Ивановиче появляется Наташа.

МАРГАРИТА. Наташка! Ты намазалась кремом?

НАТАША. Душенька! Королева моя французская, ведь я и ему намазала лысину, и ему!

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Принцесса!

НАТАША. Душенька, Маргарита Николаевна, сознаюсь, взяла крем! Ведь и мы хотим жить и летать. Простите меня, повелительница, я не вернусь! Ах, хорошо, Маргарита Никола-

евна! Предложение мне делал. Предложение! Ты как меня называл?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Богиня! Не могу я так быстро! Я бумаги могу важные растерять. Наталья Прокофьевна, я протестую!

НАТАША. Да ну тебя к черту с твоими бумагами!

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Что вы, Наталья Прокофьевна, нас услышит кто-нибудь!

НАТАША. Что говорил, негодяй! Что говорил, на что сманивал! Какие деньги сулил! Рубашечку вашу принес! „Счел долгом“... Говорил, что жена не узнает! Что, скажешь, вру?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Требую возвращения моего нормального облика! Я не собираюсь лететь на какое-то нелегальное собрание! Маргарита Николаевна, вы обязаны унять вашу домработницу.

НАТАША. Ах, так я тебе теперь домработница? Домработница? А была богиня? Ты меня так называл?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Венера...

НАТАША. Венера! Венера! Маргарита! Королева! Упросите меня ведьмой оставить! Вам все сделают, вам власть дана!

МАРГАРИТА. Хорошо, я обещаю.

НАТАША. Спасибо! Гей! Гей! Скорее! Надбавь!

Николай Иванович стремительно уносит ее.

МАРГАРИТА. Сейчас позвонит Азazelло...

Звонок. Маргарита берет трубку.

ГОЛОС АЗАЗЕЛЛО. Говорит Азazelло!

МАРГАРИТА. Милый, милый Азazelло!

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Пора! Вылетайте! Когда будете пролетать над воротами, крикните: „Невидима!“ Потом полетайте над городом, чтобы попривыкнуть, а затем – вон из города и прямо на реку. Я вас встречу.

Маргарита бросает трубку.

МАРГАРИТА. Полет! Полет! Свободна! Невидима! Невидима и свободна! Невидима! Прощайте! Как же вы все мне надели, как я счастлива, что расстанусь с вами навсегда! Ну вас всех к чертовой матери!

АВТОР. Под Маргаритой плыли крыши троллейбусов, автобусов и легковых машин, а по тротуарам, как казалось Маргарите, плыли реки кепок. От этих рек отделялись ручейки и вливались в огненные пасти ночных магазинов. Она пересекла Арбат, поднялась повыше, к четвертым этажам, проплыла в узкий переулок с узкими домами.

МАРГАРИТА. Полет! Полет! Что такое? — Драмлит? (*Читает.*) Хустов, Двубратский, Квант, Бескудников, Латунский... Латунский! Латунский! Да ведь это же он... это он погубил Мастера! Латунский — восемьдесят четыре! Латунский восемьдесят четыре! (*Грохот разбитого стекла.*)

АВТОР. Да, говорят, что до сих пор критик Латунский бледнеет, вспоминая этот страшный вечер... Страшное дело, скажу я вам, когда женщина от горя и бедствий становится ведьмой.

Грохот, шум льющейся воды.

АННУШКА. Дуська! Дуська! У вас, что ли, вода течет? Кобыла! Ну, погоди! (*Стреляет из рогатки.*) Раз! (*Звон стекла.*) Есть!

В полной темноте Маргарита и Коровьев.

КОРОВЬЕВ. Разрешите мне представиться вам. Коровьев. Мне поручил Азazelло... Вас удивляет, что нет света? Экономия, как вы, конечно, подумали? Ни-ни-ни! Просто мессир не любит электрического света, и мы дадим его в самый последний момент. И тогда, поверьте, недостатка в нем не будет. Но к делу, к делу, Маргарита Николаевна! Вы — женщина весьма умная и, конечно, догадались уже о том, кто ваш хозяин. (*Маргарита кивает.*) Ну, вот-с, вот-с... Мы — враги всяких недомолвок и таинственности. Ежегодно мессир дает

один бал. Он называется весенним балом полнолуния, или балом ста королей. Народу!!! Впрочем, вы сами убедитесь. Так вот, — мессир холост, сами понимаете. Но нужна хозяйка. Согласитесь сами, без хозяйки... Установилась традиция: хозяйка бала должна непременно носить имя Маргарита, во-первых, а во-вторых, быть местной уроженкой. Сто двадцать одну Маргариту обнаружили мы в Москве, и, представьте себе, ни одна не подходит. И, наконец, счастливая судьба... Короче! Совсем коротко! Вы не откажетесь принять на себя эту обязанность?

МАРГАРИТА. Не откажусь!

КОРОВЬЕВ. Я так и думал. Прошу за мной... Позволю себе смелость посоветовать вам, Маргарита Николаевна, ничего не бояться. Мы увидим лиц, объем власти которых в свое время был чрезвычайно велик. Но право, когда подумаешь о том, насколько микроскопически малы их возможности по сравнению с возможностями того, в чьей свите я имею честь состоять, становится смешно и даже, я бы сказал, грустно... Да и при том, вы сами королевской крови...

МАРГАРИТА. Почему королевской крови?

КОРОВЬЕВ. Ах, королева, вопросы крови — самые сложные вопросы в мире! Я ничуть не погрешу, если, говоря об этом, упомяну о причудливо тасуемой колоде карт. Намекну: одна из французских королев, жившая в шестнадцатом веке, надо полагать, очень изумилась бы, если бы кто-нибудь ей сказал, что ее прелестную пра-пра-пра-правнучку я буду вести под руку в Москве по бальным залам... Но прошу...

Свет. Воланд.

ВОЛАНД. Приветствую вас, королева! Заранее благодарю вас. Итак прошу вас! Не теряйтесь и ничего не бойтесь. Пора!

ВЕЛИКИЙ БАЛ У САТАНЫ

КОРОВЬЕВ. Ничего, ничего, ничего! Надо, надо, надо... Один совет вам, королева. Среди гостей будут различные, ох, очень

различные, но никому, королева Марго, никакого преимущества. Если кто и не понравится... И еще не пропустить никого. Хоть улыбочку, хоть словечко. Только — не невнимание, от этого они захиреют...

БЕГЕМОТ. Я, я, я дам сигнал!

КОРОВЬЕВ. Давай!

БЕГЕМОТ. Бал!

Бал. На сцене оркестр. Маргарита улыбается дирижеру, машет ему.

КОРОВЬЕВ. Нет мало, мало, он не будет спать всю ночь. Крикните ему: „Приветствую вас, король вальсов!”

МАРГАРИТА. Приветствую вас, король вальсов! Кто дирижер?

БЕГЕМОТ. Иоганн Штраус! И пусть меня повесят, если на каком-нибудь балу когда-либо играл такой оркестр. Я приглашал его. И, заметьте, ни один не заболел, ни один не отказался.

Из гроба выходят мужчина и женщина. Они направляются к Маргарите.

КОРОВЬЕВ. Господин Жак с супругой. Рекомендую вам, королева, один из интереснейших мужчин. Убежденный фальшивомонетчик, государственный изменник, но очень недурной алхимик. Прославился тем, что отравил королевскую любовницу.

БЕГЕМОТ. Мы в восхищении!..

Из гроба выходят гости, они парами и поодиночке подходят к Маргарите.

СУПРУГА Г. ЖАКА. Королева!

Г. ЖАК. Королева!

БЕГЕМОТ. Мы в восхищеньи!

КОРОВЬЕВ. Граф Роберт по-прежнему интересен. Обратите

внимание, королева, как смешно: обратный случай. Этот был любовником королевы и отравил свою жену.

БЕГЕМОТ. Мы в восхищении, граф!

МАРГАРИТА. Кто эта... зеленая?

КОРОВЬЕВ. Госпожа Тофана. Была чрезвычайно популярна среди молодых прелестных неаполитанок, и в особенности тех из них, которым надоели мужья. Ведь бывает же так, королева, чтобы надоел муж...

МАРГАРИТА. Да.

КОРОВЬЕВ. Да, так вот, госпожа Тофана входила в положение этих бедных женщин и продавала им какую-то воду в пузырьках. Жена вливала эту воду в суп супругу, тот его съедал, благодарил за ласку и чувствовал себя превосходно. Через несколько часов ему начинало очень сильно хотеться пить, затем он ложился в постель, и через день неаполитанка была свободна, как ветер.

МАРГАРИТА. И зачем эта зелень на шее?

КОРОВЬЕВ. Я в восхищеньи! Прекрасная шея, но с ней неприятность случилась в тюрьме. Когда тюремщики узнали, что около пятисот неудачно выбранных мужей покинули Неаполь навсегда, они стгоряча удавили госпожу Тофану.

ГОСПОЖА ТОФАНА. Как я счастлива, о добрейшая королева, что мне выпала такая честь...

МАРГАРИТА. Я рада.

КОРОВЬЕВ. Фрида! Вот это скучная женщина. Обожает баллы, все мечтает пожаловаться на свой платок.

МАРГАРИТА. Какой платок?

КОРОВЬЕВ. К ней камеристка приставлена и тридцать лет кладет ей на ночь на столик носовой платок. Как она проснется, платок уж тут. Она уже сжигала его в печи, топила в реке, но ничего не помогает.

МАРГАРИТА. Какой платок?

КОРОВЬЕВ. С синей каемочкой платок. Дело в том, что, когда она служила в кафе, хозяин как-то раз зазвал ее в кладовую, а через девять месяцев она родила мальчика, унесла его в лес и засунула ему в рот платок. А потом закопала

мальчика в землю. На суде она говорила, что ей нечем кормить ребенка.

МАРГАРИТА. А где же хозяин этого кафе?

БЕГЕМОТ. Королева, разрешите мне спросить вас: при чем здесь хозяин? Ведь он не душил младенца в лесу!

МАРГАРИТА *(хватает его за ухо)*. Если ты, сволочь, еще раз позволишь себе впутаться в разговор...

БЕГЕМОТ. Королева... Я говорил юридически, с юридической точки зрения...

ФРИДА *(приближаясь)*. Я счастлива, королева-хозяйка, быть приглашенной на великий бал полнолуния!

МАРГАРИТА. А я рада видеть вас, очень рада. Любите ли вы шампанское?

ФРИДА. Я люблю. Фрида, Фрида, Фрида! Меня зовут Фрида, о, королева!

МАРГАРИТА. Так вы напейтесь сегодня пьяной, Фрида, и ни о чем не думайте!

КОРОВЬЕВ. Я в восхищении! Мы в восхищении! Королева в восхищении!

АЗАЗЕЛЛО. Королева в восхищении!

БЕГЕМОТ. Я восхищен!

КОРОВЬЕВ. Королева в восхищении! Госпожа Минкина... Ах, как хороша! Немного нервозна. Зачем же было жечь горничной лицо щипцами для завивки? Конечно, при этих условиях зарежут... Королева в восхищении! Королева, секунду внимания! Алхимик! Повешен... Вот и она! Мы в восхищении! Московская портниха... Мы все ее любим за неистощимую фантазию... Держала ателье и придумала страшно смешную штуку: провертела две круглых дырочки в стене... МАРГАРИТА. А дамы не знали?

КОРОВЬЕВ. Все до одной знали, королева! Мы в восхищении!.. Этот двадцатилетний мальчуган с детства отличался странными свойствами, мечтатель и чужак. Его полюбила одна девушка, а он взял и продал ее в публичный дом... *(Затемнение. В темноте.)* Гай Кесарь Калигула!.. Мы в восхищении! Мессалина!.. Мы в восхищении! Малюта Скуратов! Мы в восхищении!.. Нерон! Мы в восхищении! И многие, многие

другие! Пофантазируйте! Пофантазируйте! А мы в восхищении!..

(После бала все у Воланда.) (Голова Берлиоза из-под занавеса.)

ВОЛАНД. Михаил Александрович! Все сбылось, неправда ли? Голова отрезана женщиной, заседание не состоялось, и я живу в вашей квартире. Это — факт. Но теперь нас интересует дальнейшее, а не этот совершившийся факт. Вы всегда были проповедником той теории, что, по обрезании головы, жизнь в человеке прекращается, он превращается в золу и уходит в небытие.

БЕРЛИОЗ. Да! Мы атеисты!

ВОЛАНД. Впрочем, все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере.

БЕРЛИОЗ. Нет!

ВОЛАНД. Да! Сбудется же это! Вы уходите в небытие, а мне радостно будет из чаши, в которую вы превращаетесь, выпить за бытие! Я пью за ваше здоровье, господа!

КОРОВЬЕВ. Не бойтесь, королева...

БЕГЕМОТ. Не бойтесь, королева, кровь давно уже ушла в землю. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья.

ВОЛАНД. Ну что, вас очень измучили?

МАРГАРИТА. О нет, мессир.

БЕГЕМОТ. Ноблесс оближ. *(Наливает в стакан какую-то жидкость, протягивает Маргарите.)*

МАРГАРИТА. Это водка?

БЕГЕМОТ. Помилуйте, королева, разве я позволил бы себе налить даме водки? Это — чистый спирт.

ВОЛАНД. Смело пейте. Ночь полнолуния — праздничная ночь, и я ужинаю в тесной компании приближенных и слуг. Но как чувствуете себя? Как прошел этот утомительный бал?

КОРОВЬЕВ. Потрясающе! Все очарованы, влюблены, раздавлены! Столько такта, столько умения, обаяния, шарма!..

БЕГЕМОТ. Нет, Фагот, бал имеет свою прелесть и размах!

ВОЛАНД. Никакой прелести в нем нет, и размаха тоже.

БЕГЕМОТ. Слушаю, мессир. Если вы находите, что нет размаха, я немедленно начну держаться того же мнения.

ВОЛАНД. Ты смотри!

БЕГЕМОТ. Я пошутил.

МАРГАРИТА. А вот интересно: вас придут арестовывать?

КОРОВЬЕВ. Непременно придут, очаровательная королева, непременно! Чует мое сердце, что придут. Не сейчас, конечно, но в свое время обязательно придут! Но полагаю, что ничего интересного не будет.

ВОЛАНД. Итак, ваша просьба, королева?

КОРОВЬЕВ. У нее больное сердце... На чем же мы остановились... Ах да, на сердце... В сердце мы попадаем по выбору — в любое предсердие сердца или в любой из его желудочков...

МАРГАРИТА. Да ведь они же закрыты!

КОРОВЬЕВ. Дорогая, в том-то и штука, что закрыты! В этом-то вся соль! А в открытый предмет может попасть каждый!

МАРГАРИТА. Не желала бы я встретиться с вами, когда у вас в руках револьвер.

КОРОВЬЕВ. Драгоценная королева, я никому не рекомендую встретиться с нами, даже если у нас не будет никакого револьвера.

МАРГАРИТА. Пожалуй, мне пора... Уже поздно...

ВОЛАНД. Куда же вы спешите?

МАРГАРИТА. Да, пора... Благодарю вас, мессир! Всего хорошего, мессир!.. Только бы выбраться отсюда, а там уж я доберусь до реки и утоплюсь!..

ВОЛАНД. Сядь-ка! Может быть, что-нибудь хотите сказать на прощание?

МАРГАРИТА. Нет, ничего, мессир... Я ничуть не устала и очень веселилась на балу...

ВОЛАНД. Кровь — великое дело! Верно! Вы совершенно правы! Так и надо!

СВИТА ВОЛАНДА. Так и надо!

ВОЛАНД. Мы вас испытывали. Никогда ничего не просите!

Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут.

БЕГЕМОТ. Да, да: догонят и еще дадут!

ВОЛАНД. Итак, Марго, чего вы хотите за то, что сегодня были хозяйкой? Чего желаете за то, что провели этот бал нагой? Во что цените ваше колено? Каковы убытки от моих гостей? Говорите! И теперь уже говорите без стеснения, ибо предложил я.

ГОЛОС ФРИДЫ. Фрида!.. Фрида!.. Фрида!.. Меня зовут Фрида!

ВОЛАНД. Ну что же, смелее!

МАРГАРИТА. Так я, стало быть ... могу попросить об одной вещи?

ВОЛАНД. Потребовать, потребовать, моя донна, потребовать одной вещи!

АВТОР. Ах, как ловко и отчетливо Воланд подчеркнул, повторяя слова самой Маргариты — „одной вещи”...

ГОЛОС ФРИДЫ. Фрида! Фрида! Фрида!

МАРГАРИТА. Я хочу, чтобы Фриде перестали подавать платок, которым она удушила своего ребенка.

ВОЛАНД. Ввиду того, что возможность получения вами взятки от этой дуры Фриды совершенно исключена, — я уж и не знаю, что и делать.

МАРГАРИТА. Вы о чем говорите, мессир?

ВОЛАНД. Я о милосердии говорю. Иногда совсем неожиданно и коварно оно пролезает в самые узенькие щелчки!

БЕГЕМОТ. И я об этом же говорю!

ВОЛАНД. Пошел вон!

БЕГЕМОТ. Я еще кофе не пил, как же это я уйду? Неужели, мессир, в праздничную ночь гостей за столом разделяют на два сорта? Одни — первой, а другие, как выражался этот грустный скупердяй-буфетчик, второй свежести?

ВОЛАНД. Молчи! Вы, судя по всему, человек исключительной доброты? Высокоморальный человек?

МАРГАРИТА. Нет! Я знаю, что с вами можно разговаривать только откровенно и откровенно вам скажу: я — легкомысленный человек. Я попросила вас за Фриду только потому,

что имела неосторожность подать ей твердую надежду. Она ждет, мессир, она верит в мою мощь. И если она останется обманутой, я попаду в ужасное положение. Ничего не поделаешь, уж так вышло.

ВОЛАНД. А, это понятно.

МАРГАРИТА. Так вы сделаете это?

ВОЛАНД. Ни в коем случае. Дело в том, моя дорогая королева, что произошла маленькая путаница. Каждое ведомство должно заниматься своими делами. Не спорю, наши возможности довольно велики, они гораздо больше, чем полагают некоторые не очень зоркие люди...

БЕГЕМОТ. Да уж, гораздо больше!

ВОЛАНД. Молчи, черт тебя возьми! *(Маргарите.)* Просто какой смысл в том, чтобы сделать то, что полагается делать другому, как я выразился, ведомству. Итак, я этого делать не буду, вы это сделаете сами.

МАРГАРИТА. А разве по-моему — исполнится?

ВОЛАНД. Да делайте же, вот мученье!

КОРОВЬЕВ. Ну: Фрида...

МАРГАРИТА. Фрида! Тебя прощают! Не будут больше подавать платок.

ГОЛОС ФРИДЫ. Благодарю вас!

МАРГАРИТА. Благодарю вас... Прощайте.

ВОЛАНД. Ну, что же, Бегемот, не будем наживаться на поступке непрактичного человека. Итак, это не в счет. Я ведь ничего не делал. Что вы хотите для себя?

КОРОВЬЕВ. Алмазная донна, на этот раз советую вам быть поблагодарнее... А то ведь фортуна может и...

МАРГАРИТА. Я хочу, чтобы мне сейчас же, сию минуту, вернули моего возлюбленного, мастера... *(Появляется Мастер. Маргарита бросается к нему.)* Ты... Ты... Ты...

МАСТЕР. Не плачь, Марго... Не терзай меня, я тяжело болен. Мне страшно, Марго! У меня опять начались галлюцинации...

МАРГАРИТА. Нет, нет, нет... Не бойся ничего... Я с тобой, я с тобой!

ВОЛАНД. Дай-ка, рыцарь, выпить этому человеку.

Мастеру подают стакан.

МАРГАРИТА. Выпей, выпей! Ты боишься? Нет, нет, верь мне. Тебе помогут.

ВОЛАНД. Да, его хорошо отделали...

Мастер выпивает, роняет стакан, он разбивается.

МАСТЕР. Но это ты, Марго?

МАРГАРИТА. Не сомневайся, это я.

ВОЛАНД. Еще! *(Коровьев подает Мастеру второй стакан, тот осушает его.)* Ну, вот это другое дело. Теперь поговорим. Кто вы такой?

МАСТЕР. Я теперь никто.

ВОЛАНД. Откуда вы сейчас?

МАСТЕР. Из дома скорби. Я душевнобольной.

МАРГАРИТА. Ужасные слова! Он мастер, мессир, я вас предупреждаю об этом. Вылечите его, он стоит этого!

ВОЛАНД. Вы знаете, с кем вы сейчас говорите? У кого находитесь?

МАСТЕР. Знаю. Моим соседом в сумасшедшем доме был этот поэт — Иван Бездомный. Он рассказал мне о вас.

ВОЛАНД. Как же, как же. Я имел удовольствие встретиться с молодым человеком на Патриарших Прудах. Он едва самого меня не свел с ума, доказывая мне, что меня нет.

КОРОВЬЕВ. ...С вас взыщется... а он мне... а я ему...

БЕЗДОМНЫЙ. Я теперь ни на что не способен. Я буду читать, заниматься историей... Я буду молчать с большой буквы...

ВОЛАНД. Но вы-то верите, что это действительно — я?

МАСТЕР. Приходится верить. Но, конечно, гораздо спокойнее было бы считать вас плодом галлюцинации. Извините меня.

ВОЛАНД. Раз спокойнее, то и считайте.

МАРГАРИТА. Нет, нет! Опомнись! Перед тобою действительно он!

ВОЛАНД. А скажите, почему Маргарита называет вас мастером?

МАСТЕР. Это простительная слабость. Она слишком высокого мнения о романе, который я написал.

ВОЛАНД. О чем роман?
МАСТЕР. О Понтии Пилате.

Воланд и его свита хохочут.

ВОЛАНД. О чем, о чем? О ком? И это — теперь? Это потрясающе! Не могли вы найти другой темы? Дайте-ка посмотреть...

МАСТЕР. Я, к сожалению, не могу этого сделать, потому что я сжег его в печке.

ВОЛАНД. Простите, не поверю. Этого быть не может. Рукописи не горят!

Воланду подают рукопись. Он перелистывает ее. Музыка.

МАРГАРИТА. Вот она, рукопись! Вот она! Вот она!

Воланд все перелистывает рукопись.

АКТ ТРЕТИЙ

МАСТЕР. И ночью при луне мне нет покоя... Зачем потревожили меня? О боги, боги!

ВОЛАНД. Ну, теперь все ясно.

БЕГЕМОТ. Совершенно ясно. Теперь главная линия этого опуса ясна насквозь.

ВОЛАНД. Ну, Маргарита, говорите же все, что вам нужно.

МАСТЕР. Нет, поздно. Ничего больше не хочу в жизни, кроме того, чтобы видеть тебя. Но тебе опять советую: оставь меня, ты пропадешь со мной.

МАРГАРИТА. Нет, не оставлю. *(Воланду.)* Прошу опять вернуть нас в подвал в переулке на Арбате, и чтобы лампа загорелась, и чтобы все стало, как было.

МАСТЕР. Ах, не слушайте бедную женщину, мессир! В этом подвале уже давно живет другой человек, и вообще не бывает так, чтобы все стало, как было.

ВОЛАНД. Не бывает, говорите? Это верно. Но мы попробуем. Азazelло!

Свист, вой, на занавесе вылетает человек.

АЗАЗЕЛЛО. Могарыч?

МОГАРЫЧ. Алоизий Могарыч!

АЗАЗЕЛЛО. Это вы, прочитав статью Латунского о романе этого человека, написали на него донос, что он хранит нелегальную литературу?

МОГАРЫЧ. Да, я.

АЗАЗЕЛЛО. Вы хотели переехать в его комнаты?

МАРГАРИТА (*бросается на Могарыча.*) Знай ведьму, знай!

МАСТЕР. Что ты делаешь, Марго? Не позорь себя!

БЕГЕМОТ. Это не позор!

МОГАРЫЧ. Я ванну пристроил...

АЗАЗЕЛЛО. Ну вот и хорошо, что ванну пристроил, ему надо брать ванны. Вон!

Могарыч улетает.

МАСТЕР. Меня все равно в больнице хватятся...

КОРОВЬЕВ. Ну чего они будут хвататься. (*Рвет историю болезни.*)

АЗАЗЕЛЛО. Нет документа — нет и человека. А вот и ваше имущество, Маргарита Николаевна. (*Вручает Маргарите ее вещи.*) Нам чужого не надо.

БЕГЕМОТ. У меня скорее лапы отсохнут, чем я прикоснусь к чужому...

ВОЛАНД. Теперь все оставьте меня одного с ними. Так, стало быть, в арбатский подвал? А кто же будет писать? А мечтания, вдохновение?

МАСТЕР. У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет. Никто меня вокруг не интересуется, кроме нее. Меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал.

АВТОР. Бедный окровавленный мастер.

ВОЛАНД. А ваш роман? Пилат?

МАСТЕР. Он мне ненавистен, этот роман, я слишком много испытал из-за него.

МАРГАРИТА. Умоляю тебя, не говори так. Ведь ты знаешь, что я всю жизнь вложила в эту твою работу. Не слушайте его, мессир, он слишком измучен.

ВОЛАНД. Но ведь надо же что-нибудь описывать? Если вы исчерпали этого прокуратора, ну начните изображать хотя бы братьев по литературе: Варенух, Латунских, Берлиозов...
МАСТЕР. Не напечатают, да, кроме того, это и не интересно.
ВОЛАНД. А чем же вы будете жить? Ведь придется нищенствовать?

МАСТЕР. Охотно, охотно... Она образумится, уйдет от меня...

ВОЛАНД. Не думаю. Итак, человек, сочинивший историю Понтия Пилата, уходит в подвал, в намерении расположиться там у лампы и нищенствовать. Я вам скажу, что ваш роман вам принесет еще сюрпризы.

МАСТЕР. Это очень грустно.

ВОЛАНД. Нет, нет, это не грустно, ничего страшного. Ну-с, Маргарита Николаевна, все сделано. Имеете ли вы ко мне какую-нибудь претензию?

МАРГАРИТА. Что вы, о, что вы, мессир!

ВОЛАНД (*протягивает ей подковку*). Так возьмите же это от меня на память.

МАРГАРИТА. Нет, нет, с какой стати?..

Маргарита берет и заворачивает подковку в салфетку.

МАРГАРИТА. Благодарю вас... А вот чего я не понимаю... Что же это — все полночь да полночь, а ведь давно уже должно быть утро?

ВОЛАНД. Праздничную полночь приятно немного и задержать. Ну, желаю вам счастья.

МАРГАРИТА. Прощайте, прощайте!

ВОЛАНД. До свидания.

Маргарита и Мастер уходят в глубину сцены — к кресту.

МАРГАРИТА. Ах, я потеряла подковку! Боже! Подковка!
АННУШКА (*на авансцене с подковкой в руках*). Или распилить ее на куски?.. Камушки-то можно выковать и по одному камушку: один на Петровку, другой на Смоленский... И знать ничего не знаю, и ведать ничего не ведаю. (*Прячет подковку за пазуху.*)

АЗАЗЕЛЛО. Давай подковку и салфеточку!

АННУШКА. Какую-такую подковку-салфеточку? Никакой я салфеточки не знаю. Что вы, гражданин, пьяный, что ли? Ах, подковочку? Так это ваша подковочка?! А я смотрю, лежит в салфеточке, я ее нарочно прибрала, чтобы кто не поднял, а потом — поминай, как звали!

АВТОР. Что же это с памятью делается, граждане?

АЗАЗЕЛЛО. Я вам глубочайше признателен, мадам. Мне эта подковочка дорога как память. Мерси, мадам. Ты, старая карга, если когда-нибудь еще поднимешь чужую вещь, в милицию ее сдавай, а за пазуху не прячь! Стерва!

АННУШКА. Мерси! Черт...

БЕЗДОМНЫЙ. Скончался, скончался мой сосед... Я так и знал... И я знаю, что в городе скончался еще один человек — эта женщина...

ПИЛАТ И АФРАНИЙ

ПИЛАТ. Итак, что вы можете сказать мне о настроении в этом городе?

АФРАНИЙ. Я полагаю, что когорта Молниеносного может уйти.

ПИЛАТ. Очень хорошая мысль. Послезавтра я ее отпущу и сам уеду. И — клянусь вам, — я отдал бы многое, чтобы сделать это сегодня.

АФРАНИЙ. Прокуратор не любит Ершалаима?

ПИЛАТ. Помилосердствуйте, нет более безнадежного места на земле. О, если бы не императорская служба!

АФРАНИЙ. Праздники здесь трудные.

ПИЛАТ. От всей души желаю, чтобы они поскорее кончились. Я получу возможность, наконец, вернуться в Кессарию. Да, но вернемся к делам. Прежде всего, этот проклятый Вар-Равван вас не тревожит?

АФРАНИЙ. Надо думать, что Вар-Равван стал теперь безопасен, как ягненок. Ему неудобно бунтовать...

ПИЛАТ. Слишком знаменит?

АФРАНИЙ. Прокуратор, как всегда, тонко понимает вопрос.
ПИЛАТ. Но во всяком случае... надо будет... Хотя, я всегда спокоен, когда вы здесь.

АФРАНИЙ. Прокуратор слишком добр.

ПИЛАТ. А теперь прошу сообщить мне о казни.

АФРАНИЙ. Что именно интересует прокуратора?

ПИЛАТ. Не было ли со стороны толпы возмущения? Это главное.

АФРАНИЙ. Никакого.

ПИЛАТ. Очень хорошо. Вы сами установили, что смерть пришла?

АФРАНИЙ. Прокуратор может быть уверен в этом. Он сказал, что никого не винит в том, что у него отняли жизнь.

ПИЛАТ. Кто?

АФРАНИЙ. Простите, прокуратор! Я не назвал? Га-Ноцри.

ПИЛАТ. Не пытался он проповедовать что-либо в присутствии солдат?

АФРАНИЙ. Нет, прокуратор, он не был многословен. Единственное, что он сказал, это — что в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость.

ПИЛАТ. К чему это было сказано?

АФРАНИЙ. Этого нельзя было понять. Он вообще вел себя странно.

ПИЛАТ. В чем странность?

АФРАНИЙ. Он пытался заглянуть в глаза то одному, то другому из окружающих. И все время улыбался какой-то растерянной улыбкой.

ПИЛАТ. Больше ничего?

АФРАНИЙ. Больше ничего.

ПИЛАТ. Дело в следующем: хотя мы и не можем в данное время обнаружить каких-нибудь его поклонников, тем не менее, ручаться, что их совсем нет, — нельзя. И вот, во избежание каких-либо сюрпризов, я прошу вас немедленно и без всякого шума убрать с лица земли...

АФРАНИЙ. Кого?

ПИЛАТ. Тела всех трех казненных и похоронить их в тайне и в тишине, так, чтобы о них не было больше ни слуху, ни духу.

АФРАНИЙ. Слушаю, игемон. Ввиду сложности и ответственности дела разрешите ехать немедленно.

ПИЛАТ. Нет, подождите еще. Есть еще два вопроса. Первый... Касается он... этого... как его... Иуды из Кариафа. Говорят, что он деньги будто бы получил за то, что так радушно принял у себя этого безумного...

АФРАНИЙ. Получит...

ПИЛАТ. А велика ли сумма?

АФРАНИЙ. Этого никто не может знать, игемон.

ПИЛАТ. Даже вы?

АФРАНИЙ. Увы, даже я. Но, что он получит эти деньги сегодня вечером, это я знаю. Его сегодня вызывают во дворец Каифы.

ПИЛАТ. Ах, жадный старик из Кариафа. Ведь он старик?

АФРАНИЙ. Прокуратор никогда не ошибается, но на этот раз ошибся. Иуда — молодой человек.

ПИЛАТ. Скажите! Характеристику его вы можете мне дать? Фанатик?

АФРАНИЙ. О нет, прокуратор!

ПИЛАТ. Так. А еще что-нибудь? Имеет, может быть, какую-нибудь страсть?

АФРАНИЙ. У него одна страсть, прокуратор. Страсть к деньгам.

ПИЛАТ. А чем он занимается?

АФРАНИЙ. Он работает в меняльной лавке у родственника.

ПИЛАТ. Ах, так, так, так... Так вот в чем дело: я получил сегодня сведения о том, что его зарежут ночью.

АФРАНИЙ. Осмелюсь спросить, от кого же эти сведения?

ПИЛАТ. Позвольте мне пока этого не говорить, тем более, что они случайны, темны и недостоверны. Но я обязан предвидеть все. Такова моя должность, а пуще всего я верю своему предчувствию, ибо оно меня еще никогда не обманывало. Сведения же заключаются в том, что кто-то из тайных друзей Га-Ноцри, возмущенный чудовищным предательством этого менялы, договорился со своими сообщниками убить его сегодня ночью, деньги же, полученные за предательство, подбросить первосвященнику с запиской: „Возвра-

щаю проклятые деньги!” Вообразите, приятно ли будет первосвященнику в праздничную ночь получить подобный подарок?

АФРАНИЙ. Но я полагаю, прокуратор, что это вызовет очень большой скандал.

ПИЛАТ. И я сам того же мнения. Вот поэтому я прошу вас заняться этим делом, то есть принять все меры к охране Иуды.

АФРАНИЙ. Приказание игемона будет исполнено, но я должен успокоить игемона: замысел злодеев чрезвычайно трудно выполним. Ведь подумать только: выследить человека, зарезать, да еще узнать, сколько получил, да ухитриться подбросить деньги Каифе, и все это в одну ночь!? Сегодня?

ПИЛАТ. И тем не менее его зарежут сегодня, у меня предчувствие, говорю я вам...

АФРАНИЙ. Слушаю... Так зарежут, игемон?

ПИЛАТ. Да, и вся надежда на вашу изумляющую всех исполнительность. Я жду доклада о погребении...

Афраний уходит.

ПИЛАТ. Банга, Банга...

СМЕРТЬ ИУДЫ

ИУДА. Низа!

НИЗА. Ах, это ты, Иуда? Я тебя не узнала. Впрочем, это хорошо, будешь богатым. Или уже стал?

ИУДА. Куда же ты идешь, Низа?

НИЗА. А зачем тебе это знать?

ИУДА. Но, как же... ведь мы же условились... Я хотел зайти к тебе... Ты сказала, что весь вечер будешь дома...

НИЗА. Нет, нет... Мне стало скучно. Нет, нет, я решила уйти за город слушать соловьев.

ИУДА. Как за город?.. Одна?..

НИЗА. Конечно, одна.

ИУДА. Позволь мне сопровождать тебя? Что же ты молчишь, Низа?

НИЗА. А мне не будет скучно с тобой? Ну хорошо, пойдем.

ИУДА (*кричит*). Низа!

ДОКЛАД

ПИЛАТ. Банга, Банга! О, боги, боги... И ночью, и при луне мне нет покоя... Банга... Иди... О, боги... (*Крысобою.*) У вас тоже плохая должность, Марк. Солдат вы калечите... Не обижайтесь, кентурион. Мое положение, повторяю, еще хуже. Что вам надо?

КРЫСОБОЙ. К вам начальник тайной стражи.

ПИЛАТ. Зовите, зовите. (*Кентурион уходит.*) И при луне мне нет покоя...

Входит Афраний.

АФРАНИЙ. Прошу отдать меня под суд, прокуратор. Вы оказались правы. Я не сумел уберечь Иуду из Кариафа, его зарезали. Прошу суда и отставки. Вот этот мешок с деньгами подбросили убийцы в дом первосвященника. Кровь на этом мешке — кровь Иуды из Кариафа.

ПИЛАТ. Сколько там интересно?

АФРАНИЙ. Тридцать тетрадрахм.

ПИЛАТ. Мало. Где убитый?

АФРАНИЙ. Этого я не знаю. Сегодня утром начнем розыск.

ПИЛАТ. Но вы наверное знаете, что он убит?

АФРАНИЙ. Я, прокуратор, пятнадцать лет на работе в Иудее. Мне не обязательно видеть труп, чтобы сказать, что человек убит.

ПИЛАТ. Простите меня, Афраний, я еще не проснулся как следует, оттого и сказал это. Итак, я хотел бы знать ваши предположения по этому делу.

АФРАНИЙ. Иуда убит в Гефсиманском саду.

ПИЛАТ. Считаю вас одним из выдающихся знатоков своего

дела. Да! Забыл спросить, как же они ухитрились подбросить деньги?

АФРАНИЙ. Видите ли, прокуратор... Это не особенно сложно. Через забор.

ПИЛАТ. С запиской?

АФРАНИЙ. Да, точно так, как вы и... предполагали, прокуратор.

ПИЛАТ. Воображаю, что было у Каифы!

АФРАНИЙ. Да, прокуратор, это вызвало большое волнение. Меня они пригласили немедленно.

ПИЛАТ. Это интересно, интересно...

АФРАНИЙ. Осмелюсь возразить, прокуратор, это не было интересно. На мой вопрос, не выплачивались ли кому деньги, мне сказали категорически, что этого не было.

ПИЛАТ. Ах, так? Ну что же, не выплачивались, стало быть, не выплачивались. Тем труднее будет найти убийц.

АФРАНИЙ. Совершенно верно, прокуратор.

ПИЛАТ. Перейдем к погребению.

АФРАНИЙ. Казненные погребены. Пока я занимался делом Иуды, команда, руководимая моим помощником, одного тела не обнаружила...

ПИЛАТ. Ах, как же я этого не предвидел!..

АФРАНИЙ. Не стоит беспокоиться, прокуратор. Тело Га-Ноцри обнаружили в очень скором времени. Некий человек...

ПИЛАТ. Левий Матвей...

АФРАНИЙ. Да, прокуратор... Левий Матвей прятался в пещере на северном склоне Лысого Черепа, дожидаясь тьмы. Голое тело Иешуа Га-Ноцри было с ним. Когда команда вошла, Левий впал в отчаяние и злобу. Он кричал, что согласно закону, имеет право похоронить казненного.

ПИЛАТ. Его пришлось схватить?

АФРАНИЙ. Нет, прокуратор, нет. Безумца удалось успокоить, объяснив, что тело будет погребено. Он утих, но заявил, что желает участвовать в погребении... Он сказал, что не уйдет, даже если его будут убивать. И даже предлагал для этой цели хлебный нож.

ПИЛАТ. Его прогнали?

АФРАНИЙ. Нет, прокуратор, нет. Мой помощник разрешил ему участвовать в погребении.

ПИЛАТ. Кто из ваших помощников руководил этим?

АФРАНИЙ. Может быть, Толмай допустил ошибку?

ПИЛАТ. Продолжайте, ошибки не было. Я вообще начинаю немного теряться, Афраний, я, по-видимому, имею дело с человеком, который никогда не делает ошибок. Этот человек — вы.

АФРАНИЙ. Левия Матвея взяли в повозку вместе с телами казненных и через два часа достигли пустынного ущелья. Там команда, работая посменно, в течение часа выкопала глубокую яму и в ней похоронила всех трех казненных.

ПИЛАТ. Обнаженными?

АФРАНИЙ. Нет, прокуратор, команда взяла с собой для этой цели хитоны. Яма закрыта, завалена камнями.

ПИЛАТ. Ах, если бы я мог предвидеть! Ведь мне нужно было повидать этого Левия Матвея.

АФРАНИЙ. Он здесь, прокуратор...

Входит Левий Матвей.

ПИЛАТ. Что с тобой?

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Ничего.

ПИЛАТ. Сейчас тебе дадут поесть.

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Я не хочу есть.

ПИЛАТ. Зачем же лгать? Ты ведь не ел целый день, а может, и больше. Ну хорошо, не ешь. Я призвал тебя, чтобы ты показал мне нож...

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Солдаты отняли его у меня, когда вводили сюда. Вы мне его верните, мне его надо отдать хозяину, я его украл.

ПИЛАТ. Зачем? Марк! Нож мне его дайте! У кого взял нож?

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. В хлебной лавке.

ПИЛАТ. Насчет ножа не беспокойся, его вернут в лавку. А теперь мне нужно второе — покажи хартию, которую ты носишь с собой и где записаны слова Иешуа.

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Хотите отнять?

ПИЛАТ. Я не сказал тебе — отдай, я сказал — покажи... (*Читает.*) Смерти нет... человечество увидит светлую воду реки жизни... Возьми... Ты, как я вижу, книжный человек... У меня в Кессарии есть большая библиотека, я очень богат и хочу взять тебя на службу. Ты будешь хранить и разбирать папирусы, будешь сыт и одет.

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Я не хочу.

ПИЛАТ. Почему? Я тебе неприятен... ты меня боишься?

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Нет, потому что ты меня будешь бояться. Тебе не очень-то легко будет смотреть мне в лицо, после того как ты его убил.

ПИЛАТ. Молчи! Возьми денег... Ты не усвоил ничего из того, чему он тебя учил. Ибо, если бы это было так, ты обязательно взял бы у меня чего-нибудь. Имей в виду, он перед смертью сказал, что никого не винит. И сам о н непременно взял бы что-нибудь. Ты жесток, а тот жестоким не был. Куда ты пойдешь?

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Ты, игемон, знай, что в Ершалаиме я зарежу одного человека.

ПИЛАТ. Ты, конечно, хочешь зарезать меня?

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Тебя мне зарезать не удастся. Но я зарежу Иуду из Кариафа, я этому посвящу остаток жизни.

ПИЛАТ. Этого тебе сделать не удастся, ты себя не беспокой. Иуду этой ночью уже зарезали.

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Кто это сделал?

ПИЛАТ. Не будь ревнив. Я боюсь, что у него были поклонники и кроме тебя.

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Кто это сделал?

ПИЛАТ. Это сделал Я? Этого, конечно, маловато, но это сделал я. Ну, а теперь ты возьмешь что-нибудь?

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Вели мне дать кусочек чистого пергамента.

ПРОЩЕНИЕ И ВЕЧНЫЙ ПРИЮТ

АВТОР. Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами! Кто блуждал в этих ту-

манах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший.

АЗАЗЕЛЛО. Огонь, с которого все началось и которым мы все заканчиваем.

МАРГАРИТА. Огонь!

ВОЛАНД (*Левию Матвею*). Ба! Менее всего можно было ожидать тебя здесь! Ты с чем пожаловал, незванный гость?

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Я к тебе, дух зла и повелитель теней.

ВОЛАНД. Если ты ко мне, то почему же ты не поздоровался, бывший сборщик податей?

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Потому что я не хочу, чтобы ты здравствовал.

ВОЛАНД. Но тебе придется примириться с этим. Не успел ты появиться здесь, как уже сразу отвесил нелепость. Подумай: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла?

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Я не буду спорить с тобой, старый софист.

ВОЛАНД. Ты не можешь спорить со мной — ты глуп. Ну, говори кратко, не утомляя меня, зачем появился?

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Он прислал меня.

ВОЛАНД. Что же он велел передать тебе, раб?

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Я не раб, я его ученик.

ВОЛАНД. Мы говорим на разных языках, как всегда, но вещи, о которых мы говорим, от этого не меняются. Итак?

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Он прочитал роман и просит тебя, чтобы ты взял с собой мастера и наградил его покоем. Неужели это трудно тебе сделать, дух зла?

ВОЛАНД. Мне ничего не трудно сделать, и тебе это хорошо известно... А что же вы не берете его к себе, в свет?

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Он не заслужил света, он заслужил покой.

ВОЛАНД. Передай, что будет сделано, и... покинь меня немедленно.

ЛЕВИЙ МАТВЕЙ. Он просит, чтобы ту, которая любила и страдала из-за него, вы взяли бы тоже.

ВОЛАНД. Без тебя бы мы никак не догадались об этом. Уходи.

КОРОВЬЕВ. Мессир! Кончается Суббота. Надвигается Воскресенье, нам пора.

ВОЛАНД. Да, скоро начнется гроза. И мы тронемся в путь.

МАСТЕР. Прощай, мой ученик! Может быть, ты допишешь мой роман.

БЕЗДОМНЫЙ. Кто сказал, что на свете нет настоящей верной вечной любви? Пусть этому лжецу отрежут язык.

ВОЛАНД. Ваш роман прочитали и сказали только одно, что он, к сожалению, не закончен. Мне хотелось показать вам вашего героя. Около двух тысяч лет сидит он и спит, но когда приходит полная луна, как видите, его терзает бессонница. Она мучает не только его, но и его верного сторожа, собаку. Если верно, что трусость — самый тяжелый порок, то, пожалуй, собака в нем не виновата. Единственное, чего боялся храбрый пес, это грозы. Ну что же, тот, кто любит, должен разделять участь того, кого любит.

МАРГАРИТА. Что он говорит?

ВОЛАНД. Он говорит одно и то же. Он говорит, что при луне ему нет покоя и что у него плохая должность... Что более всего в мире ненавидит свое бессмертие и неслыханную славу.

МАРГАРИТА. Отпустите его!

ВОЛАНД. Вам не надо просить за него, Маргарита, потому что за него уже попросил тот, с кем он так стремится разговаривать.

ПИЛАТ. Боги, боги! Какая пошлая казнь! Но ты мне скажи, пожалуйста, ее не было? Молю тебя, скажи, не было?

ИЕШУА. Ну, конечно, не было. Это тебе померещилось.

ПИЛАТ. И ты можешь поклясться в этом?

ИЕШУА. Клянусь.

МАСТЕР. Мне туда — за ним?

ВОЛАНД. Нет, зачем же гнаться по следам того, что уже кончено?

МАСТЕР. Тогда, значит, туда? *(Показывает на зал.)*

ВОЛАНД. Тоже нет! Романтический мастер! Тот, кого так

жаждал видеть наш герой, прочел роман. Маргарита Николаевна! Вы старались выдумать для мастера наилучшее будущее, но, право, то, что я предлагаю вам, и то, о чем просил Иешуа за вас, — еще лучше! Оставьте их вдвоем. Не будем им мешать. И может быть, до чего-нибудь они договорятся.

С двух сторон занавеса лица Иешуа, Воланда. Маятник с нарастающей силой времени ходит между ними. Горит чаша вечного огня, бедному мастеру. Актеры держат портреты М. А. Булгакова.

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

Анджей Дравич. Избрание свободы	5
Юрий Любимов. Предисловие	10
Действующие лица	12
Вместо пролога	14
АКТ ПЕРВЫЙ	17
Понтий Пилат	27
Пилат и Каифа	34
Седьмое доказательство	37
Амвросий и Фока	40
Было дело в Грибоедове	40
Пират и швейцар	42
Нехорошая квартира	43
Коровьевские штучки	45
Вести из Ялты	48
Беда с Варенухой	52
Поплавский — дядя Берлиоза	52
Явление героя	55
Казнь	56
АКТ ВТОРОЙ	
Варьете	59
Психбольница	65
Пилат и Иешуа	70
Маргарита	71
Соков	74
Великий бал у Сатаны	81
АКТ ТРЕТИЙ	91
Пилат и Афраний	94
Смерть Иуды	97
Доклад	98
Прощение и вечный приют	101
	105

